

НАШ КРАЙ

№ 8
2005 год

НАШ КРАЙ

№ 8

Яранск 2005

60-летию Победы в Великой Отечественной войне посвящается...

От редакции

Шестьдесят лет народ отмечает праздник Великой Победы, ставший нашей радостью от долгожданной вести об окончании Великой Отечественной войны и болью от понимания того, какой кровавой ценою мы взяли верх в этой войне над страшным, сильным, беспощадным врагом. Кажется, времени прошло достаточно много для того, чтобы зажили раны, высохли слёзы. Но читаешь строки сочинений нынешних школьников, у которых уже прадеды воинской славой, нестигаемой волей, великим мужеством записаны в памятках бессмертия, и понимаешь, что мы никогда, наверное, не перестанем испытывать боль утраты, вспоминая истории жертвенности и патриотизма, представляя масштаб искалеченных судеб, сломанных и растоптанных войной.

Посвящая этот краеведческий сборник юбилею Великой Победы, мы постарались нарисовать в нём наиболее полную картину того, что сохранила о войне память наших земляков. Антология памяти включает в себя ранее собранные, но неопубликованные воспоминания ветеранов войны и тыла, исследования, написанные по материалам, собранным в краеведческих экспедициях, сведениям из архивных и музейных источников. Её дополняют наиболее яркие публикации районной и областной печати. Большинство работ, в том числе и сочинения учащихся школ района, по условиям конкурса, на который они были представлены, созданы непосредственно для «Нашего края». Сюда же можно включить и труды наших постоянных авторов Анания Веретенникова и Светланы Карачёвой.

С глубокой благодарностью и чувством неоплатного долга перед павшими и живыми представляем широкому кругу читателей этот сборник.

Вспоминает **Олег Иванович Косолапов:**

Тот тревожный день остался в моей памяти навсегда. На площадку, где мы играли в волейбол, вбежал Женя Макаров и крикнул: «Ребята, война!» Все замерли, а потом разбежались по домам.

Город преобразился, посуровел. По вечерам не светились его окна, жители делали светомаскировку. Мужчины ушли на фронт. Всем хотелось верить, что война не будет долгой, но, слушая сводки Совинформбюро, мы начинали понимать: враг силен и разделаться с ним не так просто.

1985 г.*

Вспоминает **Юрий Константинович Созонов:**

Часов в 7 утра 22 июня в воскресенье, я (мне было 10 лет) с моим отцом и соседом поехал в город (в Яранск). Такое случалось редко. Поехать и посмотреть город для нас, детворы, было счастливым событием. Цель поездки — что-то купить на базаре. Доехали быстро (до города 14 км). День был солнечный и жаркий. Ничто не предвещало никаких неприятностей. Мужики пошли по делам на рынок, я остался с лошастью и наказом далеко не отходить. Все выполнял, наблюдал за людьми, жизнью рынка и ждал отца. Слушал спокойные деловые разговоры между взрослыми. Через час-полтора вернулся отец и с осязательным в голосе волнением сказал: «Юрка, началась война». Пришел сосед, и с той же новостью. Взрослые стали обсуждать ситуацию. Я слушал и из разговора понял: страну и народ постигла большая беда... Вернулись домой, а там уже знают об этом известии кое-что от кинемеханика...

* * *

Михаил Иванович Кутюков был связистом отделения связи одной из батарей 509-го зенитного артполка, который в октябре 1940 г. пополнили двадцать 18-летних новобранцев-яраничей. Полк занимал оборону вокруг Львова.

---

*) Список источников публикуемых материалов см. в конце сборника.

«Наступила суббота, 21 июня, — пишет солдат. — Солнце уже клонилось к горизонту, когда по телефону на наш НП поступил приказ: по тревоге отправить на батарею двух свободных от дежурства бойцов. Прошло два часа, возвращаются наши бойцы основательно нагруженными, на всех семерых принесли противогазы, патроны, перевязочные пакеты, сухой паёк на три дня. Рассказывают наперебой: на батарее за боеприпасами поехали, роют ниши под снаряды, все командиры на местах. Тревожно забилося сердце: неужели уже завтра? Сомнения окончательно развеял хозяин хутора, по соседству с которым на пригорке расположился наш НП. Он спешно запряг в арбу двух быков, собрал кое-какое имущество и вместе с семьёй двинулся в путь. На прощание только успел сказать: «Хлопчики, завтра герман на вас нападёт. Туго вам придётся, но русские победят». Старый солдат помнил горечь немецкой оккупации.

С батареи одна за другой поступали команды: «Усилить наблюдение за воздухом, выставить наземные посты, связь держать постоянно!». В 12 ночи я сдал дежурство у телефонного аппарата и тут же в окопе вместе с разведчиками прилёг вздремнуть.

«Вставай!» — сержант Губарев тормошил меня за плечо. Стряхнув остатки сна, огляделся: все бойцы поста наблюдения уже на ногах.

На востоке заалела заря. В этот предрассветный час природа словно замерла в безмолвии, в тишине слышался лишь стрёкот цикад. На чистое небо наплывал красный диск солнца: воскресный день обещал быть знойным. И в этот момент с запада, со стороны границы, мы услышали какой-то гул. Он всё нарастал, и вскоре над горизонтом показались чёрные точки самолётов, быстро приближавшиеся к нам. Девять двухмоторных бомбардировщиков «Хейнкель—111» с чёрными крестами на фюзеляжах шли низко над лощиной, почти на одном уровне с нашим НП. С расстояния ста метров я отчётливо разглядел немецкого пилота, мне даже показалось, что в какой-то миг я поймал его взгляд. Почувствовал свою полную незащищённость перед вооружённым врагом. Рядом в оцепнении стояли мои боевые друзья.

Поборов чувство растерянности, мы поняли, что уже на войне, что надо немедленно действовать. Командир отделения засёк время: ровно 4 часа, дал команду связисту: «Докладывай на батарею: курсом на восток, высота 70 метров, прошла эскадрилья «He—111» с полной бомбовой нагрузкой». Однако сколько связист ни крутил

ручку телефонного аппарата, трубка молчала. А вражеские тяжёлые бомбардировщики шли волна за волной. До Киева было всего лишь 525 километров, немногим более часа лёта.

Потеря связи с батареей сводила на нет всю работу нашего НП. И командир отделения принял в этой обстановке единственно верное решение: послать на ремонт линии связиста.

Ждём час, полтора — аппарат молчит. Солнце уже начинает припекать. Замечаем над городом белые облачка разрывов зенитных снарядов — значит, орудия полка бьют по вражеским самолётам. А вот и падающий с трёхкилометровой высоты «хейнкель», за ним — чёрный шлейф дыма.

Наши наблюдения за единоборством зенитчиков с немецкими стервятниками прервали внезапно появившиеся на НП два бойца из взвода управления батареи. Запыхавшись от быстрого бега, они сбивчиво сообщили: комбат приказал немедленно сниматься и всем прибыть на батарею, связиста нашли во ржи убитым штыковым ударом в спину, кабель в двух местах вырезан...

На батарее нас сразу же распределили по огневым расчётам, подносить из укрытий ящики со снарядами. Я попал на орудие сержанта Ивана Мамаю, где мой земляк наводчик Константин Карташёв ловко орудовал поворотными механизмами. Здесь же были однобатарейцы-яраничи Иван Евдокимов, Леонид Васенёв и Вениамин Зубарев. Через каждые пять-десять секунд пушка выстреливала в сторону воздушной армады противника очередной снаряд, потому дворик был усыпан стреляными гильзами. Когда из прорезей дульного тормоза вырывались раскалённые струи порохового дыма, на позиции поднимался песчаный вихрь и песок забивал дыхание, дым застилал глаза. Непрерывный грохот орудий оглушал, морила жажда. Ствол пушки перегревался, на нём воспламенялась краска.

«Сшибли! Горит стервятник!» — возгласы ликования слышались каждый раз, когда с неба валился объятый пламенем вражеский бомбардировщик. Лейтенант Барышполец зорко следил за подходом очередной партии бомбовозов, направляя огонь батареи в самую гущу эскадрилий...

Воздушные налёты врага прекратились только с закатом солнца. Комбат собрал бойцов. Осунувшиеся, с почерневшими лицами, в запыханных, пропитанных потом гимнастёрках, мы рассматривали друг друга так, словно не виделись долгие месяцы. Да, за день мы повзрослели на несколько лет.

...Были на исходе первые сутки войны».

На перроне

Плачет небо, плачут липы,
На людское горе глядя.
Ой, как ранят душу всхлипы!
Ведь солдат жене — не дядя.

Плачут дети, плачут сёстры.
Стонет мать, прощаясь с сыном.
Всех пронзило болью острой,
В каждом сердце радость стынет.

Вдруг команда «По вагонам!»
С плеч упали руки милых.
Жаль, что поезд на разгоне,
Что плывут вагоны мимо.

Леонид Ёлкин.
(1941 г., Запорожье)

Никогда не забудется

Работая главным агрономом колхоза имени Свердлова Яранского района (сейчас Тужинского), в 1965 году я с ранней весны возглавлял работу по повышению урожайности сельскохозяйственных культур. К нам в колхоз одним из первых прилетел самолёт АН-2 для подкормки озимой ржи и многолетних трав. Потому, едва аэродром на бугре в Шешурге подсыхал, мы уже в марте по снегу рассевали золу и минеральные удобрения.

Чтобы провести подкормку без огрехов на больших полях, ставили сигнальщики с флажками, которые рассчитывали через сколько метров (шагов) переходить для следующего захода самолёта. В деревне Устретена я поставил сигнальщиком Михаила Ивановича Зверева (1912 года рождения).

С первым рейсом я полетел показать лётчикам поле в сторону села Кокшага. Залетев от пруда на реке Немдеж, от клуба начали первый заход. Самолёт летел на высоте 18 метров, я стоял между пилотами и вдруг увидел, как Михаил Иванович, захватив голову руками, побежал за клуб к своему дому...

Когда самолёт сел для заправки удобрениями, я решил быстро на мотоцикле доехать до Устретен, найти Михаила Ивановича и поругать...

Нашёл его дома. Колотит мужика.

— Куда ты меня поставил-то? Вылетает из-за клуба прямо на меня и из него посыпалось что-то! Точно так немцы гонялись за каждым из нас зимой в 1941-м под Москвой... Ищи кого-нибудь, кто не был на войне, я не могу, меня трясёт всего. Это как бои подо Ржевом...

Многое рассказал мне фронтовик.

В первые годы войны в нашей армии были в почёте начальники, считавшие, что чем больше пошлешь в бой пехоты, тем больше она сможет взять. Война обнаружила их несостоятельность. Они не понимали, что бой решает огонь, что надо прежде всего продвигать вперёд огонь, а уже за ним — пехоту... Зима 1941—42 года. Наша дивизия подо Ржевом. Лютый мороз. Постоянные артобстрелы, бомбёжки. Наших самолётов не было. Запомнились прямые попа-

дания бомб в кирпичные дома, превращавшие их в пирамиды мусора с погребёнными под ними людьми.

Морозы делались всё крепче и лютее, а еды становилось всё меньше. Крошили, заваривали и пили настой хвои.

После боя, где по-пластунски, где перебежками, санитары передвигались по полю. Приметив обширную воронку, куда можно стаскивать раненых, подползал Михаил Зверев то к одному, то к другому лежавшему телу и быстро определял, кто жив, а кто мёртв. Наскоро остановив кровотечение и перевязав, вместе с оружием стаскивал раненых в воронку. После десяти ходок воронка была заполнена.

Отдышавшись, весь в испарине, Михаил открыл свою фельдшерскую сумку, и, достав всякую медицинскую снасть, начал кого подбинтовывать, кому жгут поправлять, кому прямо через одежду делать уколы обезболивающего. Недалеко от воронки послышался стон, и снова Зверев пополз на помощь... Тут из-за леса на бреющем вылетели четыре «фоккера», и от них оторвались чёрные точки—фугасы, один из которых упал прямо в воронку, где лежали раненые...

Это был 1941 год. Полк Михаила Ивановича, неоднократно почти полностью терявший весь личный состав, постоянно пополнялся. Было и так, что от полка оставались только полковое Знамя, командир полка и фельдшер Зверев...

Великая память тебе, русский солдат, прошедший через огонь трёх страшных войн. Вечная тебе память...

Ананий Веретенников,
март 2005 года.

Боевая молодость

Вечером, когда утих бой, лейтенант Савиных с отделением солдат осмотрел поле боя: десятки убитых солдат. И надо же такому случиться: на том месте, где стоял подбитый танк, избородивший землю, лейтенант загнулся за штык, торчавший из земли. Раскопали землю и из окопа подняли ещё живого солдата Ивана Долгих. Это он добровольно стал истребителем танков.

Весь октябрь, день за днём, идут бои. 27 октября 1941 года стал памятным в боевой биографии лейтенанта Савиных... Ночь была относительно спокойной, только изредка враг забрасывал в небо светящиеся огненные фонари. На рассвете подул прохладный ветер, падал лёгкий снежок. Казалось, что и день будет спокойным, но спокойствие оказалось обманчивым. Ещё не все солдаты успели позавтракать, как начался бой. Враг пошёл напролом. В этот день Савиных двенадцать раз поднимал в атаку взвод. Враг не прошёл, оставив на поле боя десятки убитых и раненых. Но и взвод потерял немало: в строю осталось только четырнадцать человек. Был ранен и лейтенант, пуля пробила правую ногу, не повредив кость. Две недели в медсанбате — и снова в бой.

В ноябре фашистские войска предприняли новое наступление на Москву. Лейтенант Савиных — уже командир роты. Ноябрь прошёл в упорных и жестоких боях. А 6 декабря Красная Армия начала большое наступление и нанесла фашистским войскам сокрушительный удар.

22 декабря в ста пятидесяти километрах западнее Москвы, в районе Гжатска рота лейтенанта Савиных получила приказ: «Прорваться в стык вражеских частей и продолжать наступление!».

Достигнув нужного рубежа между оврагом и опушкой леса, рота в полный рост бросилась на прорыв. Справа, с опушки, ударили автоматчики, завязали бой. Гвардии лейтенант Савиных был тяжело ранен: пуля пробила правый висок, прошла в нижнюю часть шеи. Очнулся он только в Рязанском госпитале. Открыл глаза, почувствовал острую боль в виске. Увидел санитаря, рукой показал на левый карман гимнастёрки. Санитар достал из кармана залитый кровью комсомольский билет и три запала к гранатам. Заметив испуг на лице раненого, быстро унёс запалы и вызвал врачей. В течение многих дней и ночей шла борьба медицинских работников за жизнь молодого лейтенанта. Минуло три месяца прежде, чем больной окреп, на лице появился небольшой румянец и улыбка. Тогда

его эвакуировали в Омский госпиталь.

Больше года потребовалось для того, чтобы восстановить здоровье и залечить раны. На голове, теперь уже старшего лейтенанта, на всю жизнь появилась марлевая повязка, закрывшая потерянный глаз...

Осмотрев больного, начальник госпиталя сказал: «Завтра выписываем». В этот день к раненым приехали артисты. После большого и задухового концерта взволнованный Анатолий Савиных лёг спать. Но сон не приходил. Нахлынули воспоминания об отце, воевавшем на фронте, матери, брате и сестре... Как-то они? Разволновался до предела. Успокоился только тогда, когда со слезами и горечью к нему пришло осознание, что он с честью выполнил свой долг перед Родиной, не посрамил родителей...

Борис Доронин,
1985 г.

* * *

Семён Михайлович Царегородцев родился и жил в деревне Ермаки Барановского сельсовета. Учился в семилетней школе в Пушкино, но окончить её не смог: умер отец. Семёну, как старшему в семье, пришлось работать. В 1941-м ему исполнилось 18 и он пошёл на фронт добровольцем. Назначили сначала поваром, а после он стал разведчиком.

Много довелось сделать легендарным разведчикам за годы войны. Трудной была эта служба.

Так 1942-м году на одном из участков фронта разведгруппа пробиралась на позиции противника, чтобы взять языка. Немецкие траншеи были в 6–7 метрах от заградительной проволоки. Ветер дул со стороны немцев, и наши разведчики слышали надрывный кашель из окопов. В это время красноармейцы Черных и Строганов резали проволоку на заграждении.

Старшина Хлебников, младший сержант Аджигитов, солдаты Шахмаметов, Царегородцев и Строгалёв выдвинулись на бруствер немецкой траншеи и залегли. Поддерживающие группы заняли

фланги. Когда показался фашист, Хлебников поторопился и выстрелил в него. Немец упал на дно траншеи. Старшина выждал немного, а затем вместе с бойцами влез в траншею. Однако немца там уже не оказалось.

Группа двинулась вдоль траншеи, и на одном из её изгибов наткнулась на огневую точку. Одного фашиста Хлебников сшиб ударом кулака. Второй вскинул винтовку и направил дуло на Царегородцева. Наш боец опередил немца и срезал его автоматной очередью, а потом ещё пару раз ударил кинжалом. Теперь нужно было помочь Хлебникову справиться с живым. Царегородцев завязал рот фашисту и помог товарищу вытащить его из траншеи. Когда «языка» тащили через бруствер, у него со рта спала повязка, и он закричал. На его голос тут же бросились немцы.

Красноармеец Кильдеватов с правого фланга огнём преградил путь фашистам, но те всё наседали. Нужно было принять бой, и разведчики прикончили захваченного немца, чтобы он не мешал.

В это время с другой стороны траншеи показался немец с гранатой и автоматом. Бровченко выстрелил и ранил его, а Царегородцев, Аджигитов и Строгалев, по приказанию Хлебникова, принялись эвакуировать раненого «языка».

На помощь пришли другие разведчики, и немецкий фельдфебель, под ураганным огнём, был доставлен по назначению.

(из материалов музея средней школы № 2)

«Дорога жизни»

Две трудных военных зимы действовала Ладужская фронтовая автомобильная дорога. По ней в осажденный Ленинград доставлялись продукты, горючее, боеприпасы. Обратными рейсами из города вывозилось страдающее от голода гражданское население.

Среди солдат фронтовой дороги были и наши земляки-яраничи. 24 июня 1941 года почти весь автомобильный парк города Яранска был мобилизован на фронт. Отобрали наиболее опытных водителей с исправной техникой. Колонну составили из трёхтонок «ЗИС-3» и полуторок «ГАЗ-АА». Сборы были недолгими: погрузили в кузова несколько бочек с горючим — и в Котельнич на сборный пункт. Оттуда — по железной дороге до Пскова. В сопроводительных документах местом прибытия значилось: «Г. Псков, 446 отдельный

автотранспортный батальон».

А враг уже был у стен этого древнего русского города. Началось отступление к Ленинграду, а потом блокада. 900 дней и ночей стоял непреступной твердыней блокированный врагом город. Об-

*Барышников Иван Александрович (слева)
за ремонтом машины.*

щее количество грузов, перевезённых в Ленинград по «дороге жизни» за весь период её действия, составило свыше 1615 тысяч тонн; за это же время из города было эвакуировано около 1376 тысяч человек.

Часть этой гигантской работы выполнили наши земляки, военные шофёры 446-го ОТБ. Им, героям ледовой трассы, посвящены строки, написанные в промёрзшем, осаждённом фашистами Ленинграде поэтессой Ольгой Бергольц:

«Дорогой жизни шёл к нам хлеб,
Дорогой дружбы многих к многим!
Ещё не знают на земле
Страшней и радостней дороги».

Яраничи — солдаты «дороги жизни»:

—Алябышев Александр Николаевич (1912 г.р.), ушёл на фронт 24.06.41 г.

- Баранов Иван Андреевич (1916 г.р.), 24.06.41 г.
- Барышников Иван Александрович (1910 г.р.), 24.06.1941 г.
- Безруков Александр Николаевич (1911 г.р.), 24.06.1941 г.
- Беляев Иван Алексеевич (1914 г.р.), 24.06.41 г.
- Гаврилов Василий Павлович (1912 г.р.), 19.07.41 г.
- Дербенёв Павел Александрович (1924 г.р.).
- Ежов Василий Фёдорович (1903 г.р.), 29.12.41 г.
- Зверев Пётр Андреевич (1911 г.р.), 24.06.41 г.
- Золотов Алексей Степанович (1908 г.р.), 24.06.41 г.
- Кирияков Владимир Алекс(андрович) (?), 7.07.41 г.
- Кочев Александр Михайлович (1911 г.р.), 24.06.41 г.
- Макаров Григорий Архипович (1914 г.р.), 24.06.41 г.
- Мальцев Михаил Васильевич (1905 г.р.), 24.06.41 г.
- Михеев Степан Степанович (1911 г.р.), 24.06.41 г.
- Мотовилов Сидор Максимович (1913 г.р.), 24.06.41 г.
- Мухин Николай Демьянович (1905 г.р.), 24.06.41 г.
- Неверов Аркадий Владимирович (1914 г.р.), 24.06.41 г.
- Новосёлов Иван Михайлович (1909 г.р.), 24.06.41 г.
- Овчинников Леонид Иванович (1914 г.р.), 29.09.41 г.
- Отмахов Серафим Павлович (1910 г.р.), 24.06.41 г.
- Разумов Николай Васильевич (1911 г.р.), 24.06.41 г.
- Русинов Павел Фёдорович (1911 г.р.), 24.06.41 г.
- Скорохватов Владимир Максимович (1909 г.р.), 24.06.41 г.
- Скочиллов Иван Степанович (1908 г.р.), 24.06.41 г.
- Смирнов Василий Павлович (1905 г.р.), 24.06.41 г.
- Соловьёв Тимофей Александрович (1913 г.р.), 24.06.41 г.
- Староверов Василий Григорьевич (1909 г.р.), 24.06.41 г.
- Шабалин Николай Сергеевич (1914 г.р.), 24.06.41 г.
- Ямщиков Иван Петрович (1908 г.р.), 24.06.41 г.

Вспоминают ветераны ледовой трассы:

Беляев Иван Алексеевич

Со сборного пункта в Котельниче нас направили в Псков. Когда подъезжали к Пскову, залетали немецкие самолёты. Наши зенитки открыли огонь. Вновь прибывшие солдаты, ничего не

понимая, побежали в кусты... Вечером нас подвезли к станции и стали разгружать. Разместили в казармах. Но пребывание в Пскове было недолгим, так как наступал враг. Шофёры на 25 машинах отвозили солдат к Ленинграду. От Пскова до Ленинграда — 270 километров. Отступали 5 дней. Через 50 километров машины возвращались за отставшими солдатами.

Всю блокаду я пробыл в Ленинграде. Когда отступали, то хорошо, что запаслись капустой и засолили её в 5 чанах. Этой капустой нас и кормили. Хлеба, который пекли из жмыха, давали по 150 граммов на сутки. На протяжении всей блокады немцы бомбили Ленинград, особенно обстреливали артиллерией. В сутки было по 15 и более тревог. Запас продуктов в складах имелся, но эти склады разбомбили немцы. В городе начался голод. Солдаты едва держались на ногах. Однажды командир попросил принести кровать со второго этажа, и мы четвером тащили её с утра до обеда.

Я работал автомехаником, потому нередко приходилось выезжать на передовую. Но чтобы завести машину, нужна сила. Поэтому мы сковали длинную железную ручку и всем взводом заводили одну машину.

Сначала хлеб возили по Ладожскому озеру на конях, потом пошли полуторки, бензовозы. Я тоже ездил за хлебом. По дороге останавливались около погибших лошадей, брали с повозок хлеб, иногда отрубали мясо у лошадей и ели.

Однажды со мной в Ленинград поехали 2 товарища, один к сестре, другой к свояченице. Когда въехали в город, то ни в одном доме не было света, все окна были затемнены. Высадили сначала того, который добирался к сестре, а с другим поехали дальше. Проехав 20 километров Ленинградом, нашли, где живёт его свояченица. Тот товарищ, Саша Иванов, пошёл в дом. Через некоторое время вернулся и сказал: «Ваня, пойдём вместе. Я один боюсь, там много мёртвых». Вошли... Посмотрели на Сашиных родных — они чуть живы. Свояченица села на стул и говорит: «Сашенька, мы зарезали кошечку — мясо что куриное!». Мы отдали им сухари и крупу. Сварили кашу, для чего сломали два стула. Спать пришлось в чужой холодной квартире, жильцы которой умерли. Утром попрощались — и в путь. По улице невозможно было ехать. Буквально на каждом шагу — мёртвые...

Пришла весна. Нас кормили супом из крапивы и кашей из опилок и ещё варили витамины. Однажды пришлось ехать на автобазу. По дороге набрали два ведра опёнков и, вернувшись, сварили. Не

было ни хлеба, ни соли. Съели полведра, но позвали обедать. А после доели и грибовницу.

После прорыва блокады снова ехали через Псков. По дороге не было ни одного целого дома.

Новосёлов Иван Михайлович

До войны работал на спиртовом заводе шофёром. 24 июня пришла повестка: «Явиться на Красную площадь школы №1». Комиссия решила, что годен к службе. Во дворе казармы нас выстроили около машин. С машинами и забрали...

6 ноября 1943 года приехали на заправку за горючим для танковой части на станцию Волосово. Только въехали во двор заправки, налетели «юнкерсы», много цистерн пробило, и по территории пошла огненная струя. Я быстро выскочил и лёг между рельсами и колёсами. Когда перестали бомбить, раздалась команда: «По машинам, заводи!» Подхожу к машине — лобовое стекло пробито четырьмя пулями, задний мост — осколками, смазка побежала, шины спущены. Бегу к командиру, докладываю: «Ехать не могу, машина вышла из строя». Командир ответил: «Жди до утра, пошлём техмашину». Утром мне привезли автопокрышки, заделали отверстия. Поехали в Ленинград...

В конце 1943 года на озере был слабый лёд, и машина провалилась задним мостом и уткнулась в камень. Пришлось сидеть два дня, потом приехали и вытащили...

После победы над Германией нас сразу повезли в Японию, через Котельнич. В Котельниче не останавливались...

Отмахов Серафим Павлович

20 ноября 1941 года ночью через Ладожское озеро ехали за боеприпасами. Транспорт замаскировали, покрасили фары синим цветом. Машины шли с интервалом 50 метров. Но лёд был тонкий, и они проваливались.

На дороге регулировщиками были девушки. Дисциплина соблюдалась строго.

Немец обстреливал Ладогу дальнобойными орудиями и беспрестанно бомбил. В воронки машины уходили под лёд. В первый год водолазы поднимали их.

Когда блокаду прорвали, нас с дороги сняли в Москву, через Москву на Курскую дугу... Брал Варшаву.

После госпиталя попал в танковую часть и до конца своей

службы находился в ней. В Берлине наша часть брала рейхстаг, где я расписался на стене.

Неверов Аркадий Владимирович

До войны работал кузнецом, потом шофёром. В первый же день был призван на фронт. Из Пскова попал в Ленинград. По дороге возил спирт и бензин, приходилось и хлеб. Ночью переезжали по тонкому льду Ладоги. Для обозначения дороги стояли красные фонарики, по этим знакам и приходилось «криулять»...

Дербенёв Павел Александрович

До начала войны работал в Яранске на звуковой киноперевивке.

2 мая 1941 года женился. Вскоре после начала войны ушёл на фронт. Вначале находился в Пскове, потом в Ленинграде. Работал на «летучке» (машине) ремонтного взвода, был вулканизаторщиком. Сопровождал колонны машин по «дороге жизни». Машины часто ломались, их ремонтировали в пути. Вместе со мной был ленинградец Каретников Леонид. Молодой, очень шустрый, хороший сварщик. Раньше варил на судах отсеки. В этом же ремонтном взводе сварщиком был Иван Александрович Барышников.

После выигранного боя в Волосовской операции за ремонт машин меня представили к награде: ордену Красной Звезды.

(по материалам музея)

* * *

Вспоминает старший лейтенант запаса **Василий Ильич Танаков**.

18 декабря 1941 года началось грандиозное наступление под Москвой. В этих боях я получил второе за войну ранение — в руку. Эвакуировали в госпиталь г. Ногинска... Наконец рука вылечена. Направляюсь во вновь сформированную дивизию, сначала в Серпухов, а затем под Сталинград.

С августа 1942 по январь 1943 участвовал в боях под Сталинградом в районе с. Ерзовки... Пять месяцев сдерживали натиск врага, стремившегося расширить свой фронт севернее Сталинграда.

Впечатляющим был бой 10 января 1943 года.

В этот день на наш ультиматум о капитуляции ожидался ответ фельдмаршала Паулюса, командующего армией, попавшей в окружение. В 9 часов утра парламентёры должны были встретиться вблизи станции Котлубань. Наш прибыл, а немецкого нет. Это означало отказ от капитуляции... И началось!

Было сосредоточено столько орудий, миномётов и «катюш», что артподготовка превратилась в сплошную канонаду. Выстрелы пушек сливались с разрывами снарядов в общий гул. От непрерывных разрывов дрожала земля... Перемешался с землёй и покрылся сплошной копотью снег... Кругом стало черно...

Кольцо окружения всё больше сжималось. Наконец оно настолько сжалось, что артиллерийские снаряды стали перелетать через головы врага в расположение наших частей, наступающих с другой стороны. Окружённая группировка Паулюса была полностью разгромлена.

(материалы Никулятской восьмилетней школы, 1975 г.)

* * *

Вспоминает участник Сталинградской битвы гвардии капитан **Евгений Николаевич Волков**, (записано на встрече с ребятами 4 «б» класса средней школы №3 8 мая 1981 года).

Наш народ не был готов к войне. Мы в это время делали тракторы, самолеты, сельхозмашины и не думали, что враг прервет наш мирный труд. У нас были отличные танки Т-34 с труднопробиваемой броней и самолеты. Но всего этого было слишком мало, поэтому первое время мы отступали и вели тяжелые оборонительные бои. Отступали до Сталинграда. Под Сталинградом был получен приказ: «Ни шагу назад!». С сентября 1942 года начались бои за город, с 5 сентября — в городе. Немцы хотели взять его с ходу и быстро перейти Волгу. Для чего им это было нужно? Для того, чтобы зайти на Москву с тыла и перерезать Волгу. Это лишило бы нас доставки с юга хлеба, бензина и продуктов.

Бой шел такой, что солнца не было видно. Вместо солнца — бурое пятно. Город горел, и все вокруг покрылось копотью от пожара. Бой не прекращался ни на одну секунду, затем вдруг стал утихать. Оказалось, наше командование готовило в тылу новые силы,

чтобы окружить и уничтожить Сталинградскую группировку противника. 19 ноября начались первые артиллерийские наступления. (Этот день сейчас отмечается как день ракетных войск и артиллерии). Наших орудий, не считая «катюш», на каждом километре было по 250 штук. Мы заранее подготовили снаряды, выбрали цели и в 8 утра начали артподготовку «катюшами». В течение часа продолжался артобстрел. В бинокль было видно, как у немцев летят колеса, палки, бревна. Их сторона превратилась в крошечный ад. Затем наступила внезапная тишина, после которой вновь в течение 30 минут из орудий вырывались смертоносные снаряды. В этом заключалась наша военная хитрость: когда мы огонь прекратили, немцы, думая, что сейчас пойдём в наступление, стали перебегать в первые траншеи. Тут мы их и побиили.

Командовал немецкой армией генерал Паулюс. Его армия была окружена советскими войсками. Последовал ультиматум с предложением сдаться. Немцы ничего не ответили. Положение их было жутким, так как у них кончилось продовольствие... Для подвоза продовольствия они решили использовать авиацию. Самолетов было много, и наши солдаты стали стрелять по ним ракетами. Много продуктов падало на нашу территорию.

2 февраля 1943 г. мы уничтожили всю вражескую группировку. Паулюс был взят в плен. Одетые как попало пленные представляли жалкое зрелище. Так завершилась битва под Сталинградом.

Я закончил войну в звании гвардии капитана. Победу встретил под Прагой. Был теплый весенний день. Кругом цвели сады. Цветущих деревьев было так много, что казалось, будто их покрыли пуховым белым снегом. При слове «победа» все словно ошалели: стреляли кто из чего: из пистолетов, пушек и минометов. Затем выстроились в ряд и дали несколько торжественных залпов.

Волков Н.Е. на школьном стрельбище.

* * *

Иван Павлович Бахтин, уроженец д. Ромаши Яранского уезда. На фронте с ноября 1942 года. Командир штурмового авиационного полка, к маю 1945 года совершивший 102 боевых вылета на штурмовку живой силы и техники противника. Звание Героя Советского Союза присвоено И.П. Бахтину 18 августа 1945 года.

Он так вспоминал об одном из полётов:

В дни битвы с фашистами на Волге у меня было много полётов. Но расскажу об одном из них, который выполнял 9 января 1943 года...

Командованием фронта было приказано нанести сокрушающий удар по аэродрому Сальск в калмыцких степях. На нём было сосредоточено большое количество вражеских транспортных самолётов. Подготовку и проведение этой операции поручили мне как командиру эскадрильи.

Ну, изучил очень тщательно обстановку, заставил всех своих лётчиков чертить на память маршруты, чтобы знали все овражки, все населённые пункты. Ведь мы летели на штурмовиках, не приспособленных к таким ударам. Атаку решили произвести в середине дня, внезапно. Для этого приказал ребятам подходить к цели на бреющем полёте. И сказал, что будем держаться над целью с таким расчётом, чтобы произвести не менее шести заходов. Шесть заходов сделать над целью, несмотря ни на что! Никто не имеет права раньше отходить от аэродрома.

И вот вылетели на задание. Шли точно по разработанному плану, и вскоре группа оказалась над сальским аэродромом на высоте трёхсот метров. И видим: их самолёты «ходят» в воздухе. Значит, первый пункт нашей задачи выполнен: нас не ожидали и стрелять не могут, потому что перебеют своих.

На аэродроме находилось большое количество самолётов. Они готовились к ночным полётам для оказания помощи окружённой группировке. Рядом с самолётами были сложены боеприпасы, стояли бензозаправщики. Словом, перед нами был пороховой склад. Только действуй! Прикрывавшие нас истребители хорошо сработали и уничтожили самолёты, охранявшие аэродром. На первом заходе мы отбомбились совершенно спокойно. Но когда зашли второй

раз, фашисты опомнились и открыли сильный зенитный огонь. Однако мы маневрировали и продолжали бомбить. Взрывались уже заправленные самолёты, бензозаправщики, взлетали на воздух боеприпасы. Весь аэродром запылал. Наши штурмовики выполнили все шесть положенных заходов над целью.

Правда, без потерь не обошлось. Хотя над аэродромом никто из нас не был сбит, все самолёты были повреждены. И когда мы уже отошли от цели, некоторые начали падать. Двум пришлось сесть на территории противника. Но и они вернулись к своим.

К моменту возвращения командующему фронтом Ерёмченко уже было доложено, что мы уничтожили 75—78 самолётов противника, а аэродром так потрепали, что с него уже нельзя было взлетать...

Летало нас тогда 7 человек.

Четверо из них стали Героями Советского Союза.

(материалы Никулятской восьмилетней школы, 1975 г.)

* * *

Вспоминает старшина **Николай Константинович Лаптев:**

Первое боевое крещение я принял в июле 1943 года на Курско-Орловской дуге. Бои были кровопролитные, тяжёлые. Против нашей истребительной противотанковой бригады сражались отборные гитлеровские войска, оснащённые тяжёлыми танками «тигр», самоходками «фердинанд», большим количеством самолётов и другой первоклассной боевой техникой...

Отделение связи, в котором я служил, обеспечивало бесперебойную связь перерывов порядков со штабом артиллерийского полка. Неоднократно связь выходила из строя, и мы искали повреждения на линии и восстанавливали. В расположение полка прорвались фашистские танки в сопровождении автоматчиков. Мы, трое связистов и пехотинцы из стрелковой части, огнём из пулемётов и автоматов отрезали вражеских автоматчиков от танков. Несколько танков подбили артиллеристы, но двум удалось прорваться в наше распо-

ложение, и они начали утужить окопы, в которых мы находились. Много бойцов было убито, покалечено, засыпано землёй. Оставшиеся в живых продолжали сражаться. В этот день мы ещё несколько раз под огнём противника восстанавливали связь. За участие в бою командование части наградило меня медалью «За отвагу». Много ещё было сражений, но этот бой навсегда остался в моей памяти.

(материалы средней школы № 2, 1975 г.)

* * *

Вспоминает командир отделения разведчиков **Яков Иванович Ефремов:**

На всю жизнь запомнился такой случай. Дело было в Орловской области. Разведчики сидели на привале. Одни курили, другие тихо вели разговор. И вдруг видим: вооружённые по всем правилам ребятишки ведут немца с поднятыми руками. Мы были крайне удивлены. Оказывается, они в поле собирали оставленное отступающим врагом оружие, чтобы передать его нашим бойцам. И, к своему великому удивлению, наткнулись на живого немца, который от страха спрятался в стоге сена. А ребятишки заметили, подползли и начали стрелять. Немец вылез из стога и покорно поднял руки. Так с помощью юных разведчиков в наших руках оказался «язык».

(материалы Никулятской восьмилетней школы, 1975 г.)

* * *

Вспоминает лейтенант **Владимир Александрович Сковородкин:**

Я воевал в составе гвардейской танковой армии с сентября 1943 года и до окончания войны, не выходя из боёв, командовал зенитно-пулемётным взводом...

В июле 1944 года в районе города Орша после сильной артиллерийской подготовки мы быстро вошли в прорыв и начали наступление на г. Борисов, но пошли не туда, где у немцев были сильные укрепленные позиции, а по болотам. Тот, кто смотрел фильм «Ос-

вобождение», видел, как наши танки, артиллерия и другие виды войск шли по проложенной по болоту дороге. Мы как раз и наступали по этому болоту. Несмотря на невероятные трудности, быстро вышли к городу Борисову и взяли его, так как немцы никак не ожидали, что мы пройдем по болотам, потому серьезного сопротивления не оказали.

Затем нам было приказано, не вступая в бои с крупными силами врага, лесами пройти северо-западнее Минска и уничтожить подкрепления, которые противник будет бросать на наш Белорусский фронт... Мы забрались с тыла к немцам на 120–150 км и организовали засады около тракта. Фрицы, ничего не подозревая, спокойно посылали в Минск танки, артиллерию и другую технику. Мы подпускали вражеские колонны, подбивали передний и задний танк и всеми видами оружия уничтожали живую силу и военную технику врага. Уйти ему было некуда, так как место около тракта выбирали такое, чтоб кругом были болота. Таким образом мы уничтожили множество сил врага и не допустили подхода резерва на наш фронт. Вскоре вся территория Белоруссии была освобождена нашей армией.

(материалы Яранской средней школы №2, 1975 г.)

* * *

Вспоминает младший лейтенант **Виктор Сергеевич Михеев:**

В июне 1943 года наш зенитно-артиллерийский полк был передан Второму гвардейскому кавалерийскому корпусу. Мы сосредоточились от линии фронта в 5–6 километрах и тщательно замаскировались. В одну из ночей началась сильная артподготовка. Мы сразу снялись с позиций и двинулись к фронту, линия которого к нашему подходу уже была прорвана, и вместе с корпусом были введены в прорыв для рейда в тыл врага. Нам была поставлена задача уничтожить вражеские гарнизоны в тылу, взять и удержать железнодорожный мост через Десну в районе станции Жуковка, чтобы закрыть путь к отступлению врагу из Брянска на запад. Тяжёлыми и упорными были бои за мост, но задача была выполнена...

Мы громили коммуникации врага и уничтожали его гарнизоны на местах. В один из дождливых дней мы увидали на глухой дороге, по которой двигались, столб с прибитой на нём дощечкой «Белорусская ССР»...

Незабываемы встречи белорусов! Они угощали нас последним куском хлеба, встречали как своих родных сыновей. Мы двигались вглубь Белоруссии и дошли до города Черикова, где взяли и удержали мост и переправу через реку Сожь. Здесь и догнали нас наши войска.

(материалы Яранской средней школы № 2, 1975 г.)

Аркадий Иванович Пауткин

В 1940 году с отличием окончил среднюю школу № 1. В январе 1944 года командир взвода противотанковой артиллерии лейтенант Пауткин был тяжело ранен и обморожен. Спасая его жизнь, врачи были вынуждены отнять у него руки и ноги. Аркадий не пал духом. Он с отличием окончил Московский государственный университет. Работал доцентом МГУ, кандидат филологических наук. Полный кавалер ордена Отечественной войны.

Думы о солдате

За селом, за садами зелёными,
В стороне от побеленных хат,
Под раkitными сочными кронами
Похоронен безвестный солдат.
Над могилой ни даты, ни имени —
Фронтowej карандаш не на век, —
Всё бездушные ливни повымыли,
Уничтожил рассыпчатый снег.
Рядом в поле — цветы светлоглазые,
Оживили окопы и рвы,
Будто раны земли перевязаны
Шумным шёлком весенней травы.
Затянулись воронки глубокие

Мягкой пряжей зелёных стеблей...
А давно ли разрывы жестокие
Рвали грудь обнажённых полей!
Поселяне, гонимые ужасом,
Посылали проклятья врагу,
И горячие чёрные лужицы
Высыхали на смятом лугу.
Где-то там, под Днепровскими кручами,
В жарком зареве тлеющих хат,
Перевязанный, боем измученный,
Шёл на правую битву солдат.
Шёл вперёд, всё суровее делаясь,
Недоспавший, в поту и в пыли,
Нёс на Запад он жаркую ненависть,
Чтоб на Родине степи цвели.
Чтоб не плакали дети испуганно,
Чтобы счастье вошло в города,
Чтобы мир над землёю поруганной
Стал незыблемо раз навсегда.
Не дошёл он, и травы высокие
Над недвижною грудью встают.
И орудья тяжёлыми вздохами
Прогремели солдату салют.
Пусть же вечною славой согрется,
Благодарным и нежным теплом
Неизвестное имя гвардейца,
Что схоронен в степи за селом!

Аркадий Пауткин.

Из одного металла...

Геннадия Павловича Кожина, механизатора из села Уртма, я встретил на районном совещании передовиков. Уважают в родных местах этого человека. Люди собрались знатные, именитые, а вот поди ж ты — далеко не у каждого на груди столько наград. И бросалось в глаза: рядом с наградами трудовыми — два ордена Красной Звезды.

Эти боевые ордена достались нелегко.

Геннадий ушел воевать гораздо позднее своего отца: на дворе

уже стояла осень сорок четвертого. С первой партией ровесников семнадцатилетнего комсомольца Кожина не взяли. Не хотели отправлять и со второй, но тогда он уж сам напросился. Настоять на своем было трудно: новобранец из деревни Каленки успел вырасти всего на метр сорок и весу в нем было сорок килограммов... Таких в том победоносном году старались попридержать в тылу.

— Знаешь, лучше бы тебе во второй эшелон, — сказали во взводе связи, куда определили Геннадия. — Катушка-то с кабелем, поди, поболе тебя весит...

Воевать он начал на Одере и сразу попал в самое пекло. Батальону был дан приказ переправиться через большую реку, захватить плацдарм и держать его до подхода главных сил.

— Заняли мы прибрежную полосу длиной километра два. Само собой, с боем, — вспоминает Геннадий Павлович. — А потом немец пристрелялся и начал нас долбать. Тут и сам не знаешь, куда деваться, а кабель все время к черту летит. Взводный кричит: «Давай вперед!» Я ползу, вижу: кабель перебит. Соединяю и чувствую, что меня взял на мушку автоматчик. Взводный мне снова кричит: «Лежи, не двигайся!» А как лежать, когда тебя засекали? Стал я делать перебежки, чтобы укрыться за ближайшим деревом, и тут меня стукнуло, и больше ничего не помню...

В том первом и потому самом памятном бою его ранило хуже некуда: пробило горло, сильно задело челюсть и череп. Около месяца Геннадий пролежал на госпитальной койке. Молодость брала свое, он потихоньку поправлялся, и врач обещал через недельку-другую перевести в команду выздоравливающих. О своем здоровье Кожину было мало заботы, он больше переживал, как бы не попасть в другую часть. И тут на счастье явился взводный Балясов. Он привез гостинцы, обнадежил, что их стрелковый полк находится недалеко.

— Словом, давай обратно к нам, — сказал Балясов. — Тебя, между прочим, орден ждет...

И пока в самом деле не перевели в команду выздоравливающих, Кожин решил сбежать из госпиталя. Рисковый парень, он совершил свой побег днем, в госпитальном халате и без всяких документов в кармане.

Он рассказывает эту историю словно шутя. Так же звучит его рассказ о том, как он брал Берлин.

— Таких тяжелых боев, как на Одере, поначалу не было. Мы как погнали немца, так до самого Берлина вроде и догнать не могли.

А когда под Берлином немец крепко уперся, пришлось воевать по-настоящему. Настроение у нас было прекрасное: молодые же, о смерти не думали...

Парень из деревни Каленки был в рядах тех, кто вел бои в центре Берлина и брал рейхстаг. Об этих последних днях войны Кожинов говорит с особым волнением.

— Вам трудно представить, как это было: ад настоящий, а то и похуже. Все кругом рушится, все перебито. А задача у нашего брата известно какая: давай связь — и точка. Недалеко от рейхстага с самим взводным Балясовым тянули мы кабель к комроты. Умри, а связь давай. Только наладишь — опять перебьют. Вот и лезешь вперед, а кто где, не разберешь. Подключишься, бывало, к какому-нибудь кабелю, а там не по-нашему говорят. От связистов ведь как требовали: не можешь линию соединить — беги с приказом сам, передавай устно. А у меня и говорить-то после ранения как следует не получается. Обо всем забыл, в полный рост по переднему краю носился и ничего, уцелел и линию наладил. За это и второй орден, и медаль «За взятие Берлина» получил.

Он был в рейхстаге, когда бой еще продолжался. И среди тысяч надписей победителей появилась на стене этого мрачного здания простая фамилия парня из вятской деревни Каленки.

И еще один берлинский эпизод врезался в память Геннадия:

— Послали меня налаживать связь. Вдруг вижу: ведут пленных, прямо бесконечной колонной. Немцы хоть и побитые, а рослые, здоровые. И вот идут они, и некоторые на меня пальцами показывают: какой, мол, ты, рус, никудышно маленький. А я стою как виноватый. Потом мне смешно стало: ведь это и я их побил!..

Приехал Геннадий из Берлина домой чуть ли не в одно время с отцом, понтонером. Медалей у них было поровну, по четыре, а по более высоким отличиям сын превзошел отца. Той осенью сорок пятого Кожинову-младшему было восемнадцать лет.

Павел Смирнов,
1983 г.

* * *

Вспоминает капитан медицинской службы **Нина Ивановна Загайнова**:

Я была назначена начальником полевого лазарета в батальоне аэродромного обслуживания. Не успела по-настоящему освоиться с делами, как меня вызвал командир части: «Ваш лазарет переходит на обслуживание специальной партизанской эскадрильи, — сказал подполковник, — о результатах работы будете докладывать ежедневно». Суть этой работы я и мои девочки по-настоящему поняли тогда, когда вплотную столкнулись с ней.

В Псковской и Новгородской областях обширные районы контролировались партизанами. Народные мстители ни днём, ни ночью не давали врагу покоя. На уничтожение партизан были брошены немецкие регулярные части с танками и самолётами. Кольцо сжималось. Партизаны, отражая натиск фашистов, несли немалые потери. В лесу скопилось много раненых, которым требовалась срочная медицинская помощь. В течение четырёх месяцев самолёты доставляли туда медикаменты и продукты, а обратно перевозили раненых. Лазарет захлёбывался от притока раненых. Сестры и санитарки валились с ног от усталости: на сон оставалось 2—3 часа в сутки...

А в апреле 1944-го воздушную армию перебросили в Западную Украину. И сразу же в Сарнах попали под жестокую бомбёжку. Не успели обжиться на новом месте, как снова бомбёжка. Батальон со всех сторон обложили бандеровцы. Сёстрам и санитаркам пришлось браться за автоматы...

Война огненным шквалом катилась на Запад, перемахнув пограничные рубежи. Нина Ивановна участвовала в освобождении Варшавы и десятков других больших и малых городов... Войну она закончила в 50 километрах северо-западнее Берлина.

(материалы Яранской средней школы №2, 1975 г.)

Катя из санбата

За несколько лет до войны Катя Подковырина (**Екатерина Петровна Черепанова**) окончила семь классов. По тем временам образование было немалое, и неудивительно, что её моментально приняли на службу в районный земельный отдел, а вскоре, когда пригляделись, пригласили статистиком в МТС. Но, видно, не очень-то по душе пришлась ей конторская работа: характер смолоду боевой, неусидчивый. И когда первый секретарь райкома комсомола стал агитировать её поехать на Урал, она, не раздумывая, сразу согласилась. В тридцать девятом Катя махнула в Магнитогорск и вместе с другими добровольцами застраивала левобережье города. Может быть, она и сейчас жила бы на Урале (мало ли там яраничей!), но началась война, стало голодно и тревожно, на фронт, как писали из дома, ушли два брата, и Катя вернулась. Она устроилась бригадиром в «Зелентрест».

— Окладишко у меня был невелик, а у родителей на руках три младшие сестренки. Я сразу на курсы шоферов, через три месяца получила права, думала, теперь-то уж подмогу своим, но ездить не на чем было... И я, недолго думая, отправилась на фронт.

Вот так, словно шутя, вспоминает она день двадцать девятого июня тревожного и сурового сорок второго, когда уезжала их Яранска в действующую армию.

Никакой машины ей, понятно, и на фронте не дали, а определили в склад при штабе дивизии, где она и просидела безвылазно целый год. И вдруг вызов к начальству:

— В медсанбате большие потери. Санитаркой пойдешь, не струсить?

Это была просьба, а не приказ, но Катя, верная своей натуре, только и спросила: когда отправляться?

Сейчас она порой подумает и сама удивится: как решилась? Ведь определили ефрейтора Подковырину не куда-нибудь, а в операционный взвод, и крови за те беспокойные два года она насмотрелась больше, чем любой солдат на передовой за всю войну.

— Ко всему можно привыкнуть, а к ранам и болям людским — никогда. Что и говорить, тяжело было, страшно, особенно поначалу. На Днепре, помню, немцы били прямой наводкой, и на переднем крае такое творилось — не передать! А тут еще авианалёт, бомбят вовсю. И мы пошли. Руки трясутся, вся по локоть в крови, реветь охота, а раненые-то не ждут, дело делать надо! А потом за ними

ухаживать. И вот что навек запомнилось: бойцы поправлялись так быстро, что просто удивительно. Меня вскоре, когда опыта набралась, медсестрой назначили. Я и в операциях участвовала, и перевязки делала и уколы. Сама теперь удивляюсь, как за все бралась...

Пять фронтов и пять стран Европы прошла с боями старший сержант медицинской службы яранская девушка Катя Подковырина. Среди многочисленных её наград — грамоты Верховного Главнокомандующего за прорыв обороны у города Бендеры, за освобождение Белграда и взятие Будапешта, за прорыв обороны немцев в районе озера Балатон и форсирование реки Раба. Но все-таки самые памятные бои были для неё на Украине. За один из них и получила сержант Подковырина свой орден Красной Звезды. Это случилось в деревне Коровкино. Дивизия временно отступала, и в медико-санитарный батальон пришел приказ об отходе.

— Приказ-то приказом, а как отходить? У нас на столе боец, тяжело раненный в живот — не бросать же его. Словом, взяли за оружие, но операцию продолжали. Страшно, тебя всю колотит, а от стола не отходишь. И вот уже немецкие танки у первой хаты, а мы заканчиваем операцию в третьей. Я кричу девчонкам: «Свертывайся!» Как мы тогда в живых остались — удивительно, а только фрицам ничего не оставили. Когда прибыли в расположение основных сил дивизии со всеми ранеными и оборудование в целостности и сохранности доставили, нас сразу к наградам представили. И сколько таких-то случаев было! Санбат он и есть санбат: все время рядом с передовой, часто под артобстрелом, под бомбежками.

Много крови видела она... В один из боев в медсанбат поступил с тяжелым ранением в живот командир стрелкового полка полковник Кулагин.

— Срочно нужна кровь, — сказал врач.

— Возьмите мою, у меня та же группа. — сказала Катя.

— Да ты же на ногах не стоишь, — удивился хирург.

— Я выдержу...

Три раза подряд отдавала она по пятьсот миллилитров своей крови. Полтора литра не за считанные дни, а даже часы — дело непостижимое уму и фронтовых хирургов! И когда полковник Кулагин пришел в сознание, первое, что он спросил: «Кому я обязан своей жизнью?» Ему показали на Катю, бледную от потери крови и на глазах подруг как-то сразу похудевшую.

— Человека роднее вас для меня теперь нет, — сказал подполковник.

Фронтовая судьба разлучила их. В сорок пятом подполковник снова был тяжело ранен, долго лежал в госпиталях. Он не знал, где теперь его спасительница, и все-таки не переставал искать её. Уже в шестьдесят пятом он нашел её имя в списках участников встречи ветеранов дивизии в Москве, не раз и не два писал, звонил в Яранск...

Павел Смирнов,
1982 г.

* * *

Летунова (Фомина) Ольга Владимировна родилась 1 июня 1923 года, в деревне Байны Знаменского сельского совета. До войны работала на Знаменском льнозаводе.

Она вспоминает: «Ушла на фронт в 1942 году. Вначале служила в артиллерийском полку в Мурманске. Потом перевели в прожекторную часть. Затем была назначена телефонисткой. 3 года прослужила в Вильнюсе. Часто попадали под бомбёжку. Боялись, что не придём домой, что больше никогда не увидим своих родных. Но обязанности свои выполняли чётко, как могли, приближали победу. Когда услышала слово: «Победа!», так была рада! Мы с подругами обнимались, смеялись, пели от счастья, что остались живы, вернёмся домой. А дом был в августе 1945 года».

В 1946 году Ольга Владимировна вышла замуж за фронтовика Летунова Михаила Семёновича, инвалида 2 группы. Супруги Летуновы вырастили 7 сыновей и дочь.

Ольга Владимировна и в мирной жизни, как на фронте, работала хорошо. За высокие показатели в овцеводстве в 1971 году была награждена орденом Ленина. У неё много наград, она ударник 9-й пятилетки, ей присвоено звание заслуженной колхозницы.

Людмила Негодяева,
библиотекарь Лумской СБФ.

Военная судьба моего отца

Булычёв Александр Спиридонович родился в 1922 г. в деревне Байдуры Тужинского района. Вскоре после его рождения родители построили дом в г. Яранске, и семья переехала на постоянное место жительства.

Осенью 1940 г. в день Покрова Пресвятой Богородицы Александра проводили на службу в Красную Армию (собрали ему продукты на 3 дня, уложили в котомочку и, пожелав доброго пути, попрощались). В это время Спиридон Александрович, его отец, был уже тяжело болен. До станции Котельнич шли пешком, а продукты, взятые из дома, везли на лошадях. В день отправления пахло морозцем и шел снег. В Котельниче призывников распределили по товарным вагонам, в которых они спали на сене, и отправили к месту назначения. Отец проходил службу в Белоруссии под Минском, в Уречье. Все заботы по содержанию семьи легли на плечи Гликерии Артемьевны. Она часто получала письма от сына.

Война началась внезапно и, конечно, горе матери было безмерным. Письма приходили уже реже, но надежда оставалась, и она продолжала ждать сына.

Начало войны.... Бои велись ожесточенные, Красная Армия отступала и несла большие потери. Часть, в которой служил отец, бросили на переднюю линию фронта. Оружия катастрофически не хватало: одна винтовка на троих. Вели рукопашные бои. Многие оставались на поле боя. Под Могилевом он и оставшиеся однополчане были взяты в плен. Так отец попал в Германию. Вот строки из его письма:

«Воевали и мы. Не думайте так, что мы сразу попали к немцу. Мы его тоже били. Не так что он нас мучил в лагерях, а затем отправил в Германию. Были лагеря, где немец замучил до 40 тыс. русских солдат. Вы знаете, что мы были в городе Минске. Но попали уже около гор. Могилёв, когда все боеприпасы у нас вышли. Мы всё же прошли немало и побили немцев немало. Много раз выходили из окружения, разбившись на небольшие группы. Я был, правда, легко ранен в левую ногу, ну и попал к немцу.

А. Булычёв. 18 ноября 1944 г.»

Отец прекрасно владел немецким языком и, будучи в плену, был для товарищей переводчиком. Кормили плохо, обращались жестоко. Пленные считали праздником, когда находили в мусоре очис-

тки от картофеля.

Побег в лагере готовился долго и тщательно. Все по цепочке получили задание. Отцу следовало убрать часового. В определенный день и время операция началась. Отец до сих пор вспоминает, а порой и видит глаза немецкого солдата, который просил его о пощаде. Он говорил: «У меня есть дети, не убивай меня». «За мной стоят люди, и я в ответе за них» — ответил отец. Война есть война, и другого выхода не оставалось. Лагерь, в котором содержались пленные, был оцеплен колючей проволокой, находившейся под электрическим током. Многие остались на этой проволоке. Спасение удалось только тем, кто следовали за ними. Добежав до первой деревни, несколько человек, в том числе и отец, постучали в калитку крайнего дома. Вышла молодая девушка, а с ней еще две женщины. Не успели они рассказать о себе, как услышали приближающийся рев машин и мотоциклов, организованной за ними погони. Девушка, несмотря на то, что по всей деревне были развешаны листовки с угрозами немецких оккупантов, спрятала солдат в сарае, забросав их сеном, соломой и мусором. Так она спасла русских солдат. Писать родителям о случившемся в подробностях отец не мог, так как все письма контролировались соответствующими органами, и полученная родителями информация была немногословной. Вот что писал отец в ноябре 1944 г.:

«Здравствуйте, дорогие родители папочка и мамочка и милый брат Николай и тётя Варя, с приветом к вам всем Александр.

Пишу уже вам второе письмо. Жив и здоров, того и вам желаю. Я уже писал, что мы с одним товарищем бежали из Германии.

Сейчас мы опять на своей родине, опять можем писать письма к родителям и знакомым.

На линии железной дороги мы убили одного немца, который нас охранял и, пробыв трое суток в лесу, вышли навстречу нашей Красной Армии. Оружие и документы убитого немца сдали в штаб и сейчас находимся в части. Но письма пока не пишете, а то как хотите, можете написать. А когда переведут в другую часть, то вам напишу новый адрес.

Очень хочется узнать, как вы живёте. Но ничего. Кончим войну, вернёмся на свою родину.

Немец будет изгнан с нашей земли, и мы все вернёмся на Родину.

С приветом к вам ваш сын

А.С. Булычёв. 4 ноября 1944 г.».

Он писал, что его переведут в другую часть, но этого не случилось. Военнопленным не доверяли. Они были причислены к предателям, и преследовались еще многие годы. Отца отправили в Люберцы. Более года он находился под стражей и работал на машиностроительном заводе. Первое время — по 12 часов, когда каждую ночь вызывали на допрос, заставляя признаться в предъявляемых обвинениях, чем подписать себе приговор.

Многих расстреляли, но его спасло письмо, написанное девушке. Это письмо чудом оказалось в руках органов НКВД (цензура проходила вся почта). В письме было столько патриотизма, любви к Родине и уверенности в победе, что отца освободили из-под стражи, без права выезда из города. Так он продолжал жить и работать на этом же заводе до окончания войны. За время его отсутствия умер отец, и вся ответственность за воспитание брата легла на его плечи.

После возвращения на родную землю отец женился, окончил педагогический институт, воспитал троих детей, внуков и более 30 лет отдал делу обучения и воспитания подрастающего поколения. Работая в школе, преподавал физику, математику, трудовое обучение. Война не прошла для него бесследно: стало сдавать сердце. Сейчас он на пенсии, инвалид 2 группы. 9 Мая — праздник для всей семьи. Отец особенно молчалив в этот день. Он может ответить на вопросы, но больше погружен в свои мысли и воспоминания, каждый раз 9 Мая все годы войны проходят у него перед глазами...

Низкий поклон нашим отцам за великую Победу. Храни их Господь.

Татьяна Тютюникова.

Смерть стояла за плечами

Было ей шестнадцать, девушке-украинке Зине Ляховецкой. Волосы золотистые, вьются, сама изящная, улыбчивая, хотя с детства познала горе. Шестилетнюю сироту растили бабушка и дедушка, жившие в селе Прохоры на Черниговщине.

В сентябре 1941 года только два дня и ходила Зина в девятый класс. Школу пришлось срочно переоборудовать под госпиталь... Помнит она день, когда утром шли через Прохоры отступающие наши войска, а вечером пришли немцы. Вошли без боя.

С приходом немцев жизнь переменялась. Появились полицейские, назначили старосту, начались расправы над коммунистами, разграбление колхозов. В одну ночь как-то расстреляли в селе сразу пять семей. Ребенок двухлетний забрался с испугу под кровать в одном из домов, так его там и пристрелили. Оккупанты хватали и увозили в неволю женщин, детей. Зина с подружками прятались, и всё же однажды ночью во время очередной облавы схватили и её. В товарняк — и в Германию.

Из распределительного лагеря отобрали несколько сот девушек, в числе которых была Зина, и отправили в город Андреасберг на работы. Она была поставлена в цех по сборке патронов. После баланды и куска хлеба—грязи едва доставало сил выстаивать по двенадцать—четырнадцать часов.

Невольницы умирали от истощения, болезней и вредного производства. Находились смельчаки, которые портили машины, хоть на короткое время выводя их из строя. Лишний снаряд не полетит в сторону нашего солдата. За это наказывали: лишали всю смену еды, заставляли всю ночь простаивать в лагерном дворе.

Были случаи, когда наиболее отчаянные пытались убежать из лагеря, но безуспешно: поймают, вернут и повесят. Несколько дней в назидание не снимали трупы.

Однажды ночью при погрузке ящиков с патронами в товарный состав Зина с подругой решились спрятаться в одном из вагонов. Обошлось, не проверили. До границы добраться не надеялись, но на восток всё же пытались пробраться. Думали хотя бы к крестьянам попасть, чтобы не изголодать до смерти, воздухом чистым надышаться.

Не получилось: недалеко от Берлина их схватили, отправили в тюрьму. Допросы, допросы: сознавайтесь, кто, откуда, куда шли, по чьему заданию. Двенадцать раз били на допросах. На своих ногах

после таких побоев никто в камеру не приходил.

После четырех месяцев тюрьмы отправили в концентрационный огромный лагерь смерти Равенсбрюк. Самый страшный: в нем гитлеровцы уничтожили более 120 тысяч заключенных.. О побеге нечего и мечтать: охраняли с собаками, населенных пунктов поблизости нет, кругом болота.... Остригли наголо, надели полосатые холщовые робы без пояса, на ноги выдали деревянные колодки. Все одинаковое. Только номера на одежде разные. Все истощенные. Не люди, а обтянутые кожей скелеты. Спасло Зинаиду от верной смерти то, что попала на транспорт, где их использовали как рабочую силу.

На транспорт выбирали тех, кто был ещё в теле. В числе двух тысяч человек увезли на работу в город Генсгакен. Там был разрушен авиационный завод, цеха разместились в подвалах. Жили в таких же сырых подземельях. Зина работала в цехе промывки авиачастей. Однажды здесь произошел взрыв какой-то смеси. Стоящие поблизости стали калеками. Зина была поодаль, но тоже пострадала от кислотных паров, которыми обдало лицо, руки, ноги.

Однажды её избил немка—эсэсовка. И только потому, что попалась ей на глаза в неудобном месте: несла ящик с частями по лестнице, а та шла навстречу. Носили надзирательницы на красивом шнурке дубинки — обрезиненные палки. Вот ею они и били до бессознания.

Бои шли уже под Берлином. Пленных начали срочно эвакуировать в концлагерь Заксенгаузен. Если в прежних лагерях хоть подобием еды поддерживали жизнь лагерников, то здесь их не кормили почти месяц! Крематорий работал круглосуточно. Загружать было чем. Женщин согнали сюда тысяч 50, в мужских бараках мужчин было и того больше. Но всех не успевали уничтожать. Очередь подходила до каждого тогда, когда его одолевала немощь.

Немцы спешили замести следы преступного отношения к себе подобным. Колонны узников день и ночь двигались по никому неведомой дороге к морю, в сторону Гамбурга. В ряду четыре—пять человек, и ни шагу в сторону. Шли, поддерживая друг друга.

Скорее всего, жизнь Зиночки Ляховецкой закончилась бы через несколько дней: погрузили б на баржи — и в море, чтобы подорвать... Но на этой-то страшной дороге смерти и пришло освобождение в виде советских танков. Это был незабываемый день — 3 мая 1945 года.

Потом была долгая проверка НКВД в пересыльном лагере.

После проверки набрали группу женщин, знающих немецкий язык. Подучили, выдали соответствующий документ. И стала Зинаида Мануиловна военной переводчицей.

С 1949 года Яранск — ее дом родной. Она приехала сюда с мужем, офицером Советской армии, участником войны, яраничем Виктором Александровичем Дегтяревым. Познакомились после войны в Германии в офицерском клубе для русских. Там и поженились в 1946-м. Место регистрации необычное — город Берлин, консульство.

Зинаида Мануиловна знает цену жизни. Ничто не сломило ее воли и жажды жить. Еще в юности решила она, что обязательно станет учиться, и добилась-таки своего: экстерном сдала экзамены за курс педучилища, потом сразу поступила в учительский институт в Яранске.

Тридцать лет З.М.Дегтярева работала в школе. В восьмидесятом году вышла на пенсию, имея много почетных наград и звание отличника народного образования, которое получила в числе первых яранских учителей.

Лидия Горячевская,
1995 г.

* * *

Маршал Советского Союза **Леонид Александрович Говоров**. Родился в 1897 году в деревне Бутырки Яранского уезда (сейчас Советский район). В 1907—09 гг. проживал в Яранске. Участвовал в гражданской и советско-финской войнах. Окончил академию имени Фрунзе и академию Генштаба. С 1942 года командовал Ленинградским фронтом. Имеет звание Героя Советского Союза, 5 орденов Ленина, 2 ордена Красного Знамени, орден Победы, 2 ордена Суворова I степени, орден Кутузова I степени и множество медалей.

24 июня 1945 года на Параде Победы сводные полки шли в том порядке, как располагались их фронты с севера на юг. Первым — полк Карельского фронта во главе с Кириллом Афанасьевичем Мерцковым. Вторым — Ленинградского во главе с командующим фронтом Леонидом Александровичем Говоровым.

О чем думал тогда 48-летний маршал, шагая рядом с боевыми соратниками с шашкой наголо по брусчатке Красной площади, в тот момент, когда фашистские штандарты и знамена падали к подножию Мавзолея? Что он чувствовал? Торжество? Великую облегчающую радость? Вряд ли. Вероятнее всего, он опять думал о работе, которую предстоит совершить...

И. Лисочкин,
1985 г.

* * *

Константин Михайлович Толмачев, наш земляк из деревни Малая Кугушерга, в 1942 году призван в Красную Армию, прошёл трудными дорогами войны, а в 1945 году тоже шагал в строю по Красной площади на великом Параде Победы.

«Стояли мы в чехословацком городе Каплица. Вызывают меня в штаб полка, а оттуда в штаб дивизии. Кроме меня там ещё тринадцать человек. Построили, командир дивизии спрашивает у каждого: «Как здоровье? Как воевал?». А потом говорит: «Поедете в Москву на Парад Победы!» Отправили нас в санбат, мерки сняли,

и, пока обмундирование шили, мы отдыхали. Через три дня снабдили продуктами в дорогу и в эшелон.

В столицу приехали, готовились к параду, маршировали в парке Сокольники. Перед парадом не спалось, волновались.

Утром, 24 июня, построили нас на Красной площади... Москвичи встречали тепло и радушно, совершенно незнакомые люди подходили к нам, обнимали, говорили «спасибо», многие плакали. Праздничная, нарядная столица ликовала. На Красной площади прошло построение по фронтам. Мы замерли в строю.

Когда куранты пробили девять раз, из Кремлевских ворот на белом коне выехал маршал Жуков. Он принимал парад у Рокоссовского, который ехал навстречу на вороном коне. На трибуне Мавзолея стояли руководители партии и правительства, представители союзных государств. Мы прошли через площадь строем, держа равнение на Мавзолей».

Александр Денисов,
1985 г.

* * *

Санников Павел Михайлович, выпускник средней школы № 1 1930 года, участник многих боёв. Вначале — политрук роты, потом батальонный комиссар. В конце войны был направлен на учёбу в Военно-политическую академию. По окончании был оставлен преподавателем. Участник первого Парада Победы и ещё сорока парадов.

Встреча двух братьев

Война стала для многих разлучницей. И для братьев Курбатовых — тоже. А дело было так: в 1943 году семнадцатилетний Александр Курбатов был призван в армию, на Дальний Восток, в Манчжурию стрелком 261 бригады. С декабря 1944-го он уже разведчик. Сколько было пережито! Александр потерял на войне лучшего друга, а на границе с Китаем и сам был контужен. От госпитализации отказался, выстоял, вопреки всему, не пав духом.

Война закончилась, а служба продолжалась. И надо же такому случиться: оказалось, пять лет они с братом Николаем были рядом, даже не зная об этом!

Однажды Александра Алексеевича Курбатова вызвали в штаб и спросили: нет ли у него родственника по имени Николай? В глазах у Александра потемнело, ноги подкосились, и он ответил, что есть: младший брат, только где он и что с ним, не знает. Как гром среди ясного неба оглушило его известие, что Николай Алексеевич вот

Нежданная встреча...

уже пять лет служит в соседней части. «Готовы ли вы к предстоящей встрече?» — спросил командир. Была вызвана машина. Так и состоялась встреча двух братьев.

Только в 1950 году вернулись братья Курбатовы на родину.

Светлана Полушина,
библиотекарь Ломовской СБФ.

На Нюрнбергском процессе

День победы я встретил вблизи военно-морской базы Свиноемнде. Но уже в июле меня направили в г. Росток в учебный дивизион. Получив сержантские погоны, с группой ребят я был послан нести гарнизонную службу в Нюрнберг, где начал свою работу Международный трибунал над главными фашистскими преступниками. Вместе со мной на новом месте службы оказался мой неразлучный боевой друг и земляк Александр Захаров.

Вместе с Захаровым меня зачислили в первую команду Героя Советского Союза майора Неустроева. В нашу задачу входила охрана внутренней территории и помещений Дворца юстиции, вывод подсудимых на прогулку, охрана их в тюремных камерах и во время процесса.

В десятых числах декабря нас разместили для житья и службы в караульное помещение тюрьмы. По соседству оказались команды американцев и англичан. Караульная форма была такой же, как у союзников: легкая белая каска, френч и брюки стального цвета. Брюки оканчивались запястьем и цельной желтой обмоткой типа «гетр». На ногах — черные ботинки с бесшумной подошвой. Форму дополняли желтая блузка с коричневым галстуком и белые перчатки.

Первые десять дней я нес патрульную службу на тюремной стене и тюремном саду. Потом — в тюремном коридоре у стереоскопических глазков камер преступников. В коридоре, напоминавшем букву «Т», находилось 142 одиночных камеры, расположенных друг против друга. Каждому часовому поручалась охрана десяти камер. В них имелись небольшой стол, кровать (только у Геринга был почему-то деревянный топчан) и умывальник. Солнечного света нет.

Наша задача состояла в том, чтобы заключенные строго выполняли режим и порядок, установленный законом. Смена караула осуществлялась по специальному расписанию.

Здесь я близко увидел тех, кто принес страшное горе и страдания миллионам ни в чем не повинных людей, на чьей совести лежат десятки миллионов загубленных жизней.

Вот разминается по камере бывшее второе лицо рейха квадратный Геринг. На нем широчайшая пижама и брюки неопределенного цвета. Много сидит и пишет Рибентроп. Делает бумажные игрушки и любит долго умываться долговязый, сухой со шрамом на лице палач Кальтербруннер. Каждый ведет себя по-разному. Я рассказы-

ваю то, что видел своими глазами за пять часов в сутки в течение примерно трех недель и что сохранилось в моей памяти.

В первых числах января 1946 года заседания суда были приостановлены примерно дней на десять. Как нам объяснили командиры, на рождественские праздники.

Потом заседания Международного трибунала начались вновь. Мне и некоторым моим товарищам уже доверили нести караульную службу в литерном наряде, то есть охранять подсудимых непосредственно в зале заседаний суда.

Первая смена. Следуя за разводящим, я в составе наряда из шести человек с волнением вхожу в зал. Сменили американский наряд. Мой пост оказался у третьего литера. Зал переполнен. Впереди за столами сидят союзные судьи, среди них наш главный обвинитель генерал Руденко, впоследствии — Генеральный прокурор СССР. На галерке — сотни журналистов, гости. Справа сидят защитники подсудимых, а перед нами, часовыми, в два ряда — подсудимые, ровно в полуметре от нас. За креслами подсудимых была проведена белая линия, носок ботинка охранника должен был точно касаться её кромки.

Я никогда не мог подумать и предположить, что мне, простому деревенскому парню, Родина доверит охрану главных военных преступников, тех, кого наш народ, наша доблестная армия посадили на скамью подсудимых.

Шли дни, но нашей смене еще не приходилось слышать выступления советского обвинителя. У всех сидящих в зале были наушники, и каждый имел возможность слушать выступление на своем языке. Нам этого не полагалось.

Смена производилась каждый час, определенной системы чередования не было. То мы сменяли англичан, то они нас и т. д. За время охраны в зале я всего два раза слышал выступление на русском языке. Это выступление генерала Руденко, и то минут десять. Его речь была обращена, видимо, к фельдмаршалу Кейтелю, ибо тот все время ерзал в кресле чуть левее меня. Второй раз во время смены караула, которая происходила бесшумно, наш судья Никитченко вел диалог с Функом, который занимался в войну вывозом из оккупированных стран рабочей силы в Германию. Функ, видимо, отпирался. Никитченко гневно и четко ему говорит (привожу почти дословно): «Ты, рыжий карлик с сонными глазами удава, по чьему прямому указанию юноши и девушки Украины, Белоруссии, Польши, Чехословакии и других стран угонялись на невольничьи

рынки Европы, и ты еще строишь из себя ангела?!» Действительно, Функ внешне был именно таким, каким обрисовал его наш судья.

Кажется, 24 января 1946 года к нам пришла смена. Команда была в приподнятом настроении. Вечером в караульное помещение прибыли писатель Борис Полевой и фотокорреспондент Виктор Темин. Борис Николаевич только что приехал из Москвы и рассказал нам, как живет советский народ, как страна залечивает раны, нанесенные войной. А Виктор Темин на прощание нас всех сфотографировал, но, к сожалению, эта фотография где-то затерялась.

Валентин Бакшаев,
1975 г.

Это было недавно, это было давно

Павел Назарович Селезнев ушел на фронт 17 октября 1941 года. Участвовал в боях за Сталинград. Прошел дорогами войны Украину, Молда-

вию, Румынию, Венгрию, Австрию. Был связистом: командиром отделения связи — в начале войны, помощником начальника штаба полка по связи — в её конце. Награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны II-й степени, восьмью медалями. Вернулся домой в мае 1946 г.

Валентина Николаевна сохранила все письма, которые послал ей с фронта муж. Их много, маленьких бумажных треугольников. Каждый — как птица, выпорхнувшая из дальнего—дальнего дня.

Как раз перед самой войной они поженились. Оба тогда работали в Ухтымской сельской школе Богородского района. Павел Назарович был директором этой школы, преподавал математику, физику. Валентина Николаевна учила детей русскому языку и литературе. Их жизнь складывалась счастливо. Да и что еще надо для счастья, если есть молодость, любовь, прекрасные друзья, замечательная работа, — и всё только начинается! И светлы мечты, чисты помыслы, ясны надежды.

А потом были годы войны. Годы разлуки, тревог, лишений, мужества.

И шли письма... Мы договорились, что вместе почитаем их, а Валентина Николаевна расскажет, как жила сама, как растила дочь Танюшу, которая родилась, когда Павел Назарович был уже на фронте, как ждала и как встретила мужа с войны. Итак...

1942 год.

Он:

— Дорогая Валя, здравствуй! Вчера послал тебе лирическое письмо. Хотел написать что-нибудь хорошее, теплое, ободряющее, но кажется, не сумел. Надо быть великим мастером слова, например, как Тургенев, чтобы высказать на бумаге все возвышенные чувства, которыми переполнена душа. Ты, может быть, скажешь: вот, разболтался неизвестно о чем, а я тут майся с Танюшей, не спи и т.д. Правда, ты так не думаешь, но я почему-то считаю себя крайне виноватым перед тобой и даже не имею возможности загладить свою вину заботой о тебе и нашей дочурке... Вчера получил письмо от Александры Сергеевны (директора школы, где работала Валентина Николаевна. — *Прим. авт.*). Знаешь, как хорошо она отзывается о тебе. Пишет, что ты внимательная, заботливая мать, любящая и достойная жена. Наверное, поругаешь меня. Я, кажется, хватил через край, волнуясь за тебя: попросил Александру Сергеевну поддерживать вас, а ведь она так занята. Боюсь, своими просьбами ставлю ее в сложное положение и чувствую себя неловко... Узнал из твоего письма, что Соня (подруга Валентины Николаевны, сейчас живет в Кирове. — *Прим. авт.*) переживает отъезд Анатолия. Передай ей, что я очень ее понимаю, но советую быть тверже духом, не впадать в отчаяние, быть гордой и спокойной... Хотел бы, чтобы вы не слишком беспокоились обо мне и хорошенько поняли, что если от меня нет письма, то это не значит, что со мной случилось несчастье, а просто нет возможности черкнуть вам... Вот уже полтора месяца нахожусь на передовой. Идут беспрерывные бои. Много испытано и перенесено, но об этом — когда-нибудь после. Одно только скажу: как героичен, храбр и смел наш русский человек! Раньше я, как и ты, Валя, знал это из истории. А вот сейчас убедился воочию. Даже сам в себе нахожу эти черты, о чем раньше даже и не подозревал... Бои здесь предстоят упорные. На нашем участке враг пытается прорваться и бросает много сил. Но, конечно, его попытки безуспешны. Здесь он разобьет свою дурацкую голову о нашу стойкость и выдержку... Часто вспоминаю о вас, о родных, о работе. Как поживает наша дочурка? Каковы ее успехи и здоровье? Уже, наверное, начинает звать маму

(о папе пока умолчим) настоящим языком и делится с ней своими впечатлениями не плачем и писком, а жестами, словами, улыбками. Поцелуй ее за меня и скажи: пусть растет на радость папе и маме умной, скромной, хорошей. Пока, дорогая. Крепко обнимаю, целую.

Она:

— Как я жила в 42-м? В январе родилась Таня. Соня с мужем забрали нас из роддома, Толя, помню, нес Танюшку. Поселилась я у них. В феврале уже вышла на работу. Няни не было. Оставляла коляску с дочкой в комнате у печки и уходила на уроки. Комната не запиралась. Все заходили. Кто даст плачущей Танюше соску, кто покачает. Было голодно. Выдавали по 400 граммов хлеба. Я очень хотела уехать в Яранский район к маме, но такая возможность предоставилась только в июле, раньше не отпускали. До Тужи мы доехали на попутной машине, а дальше пришлось добираться пешком. В Абрамычах, где мне обещали работу, места не оказалось. Стала работать в Пушкино пионервожатой и учителем начальных классов. Жила в школе. Комната маленькая: кровать, стол, окно. Со мной была Нина, сестра мужа. Втроем и спали на кровати — она, я, Танюшка. На подготовку к урокам давали четушку керосина, в остальное время пользовались коптилкой. Сами пекли хлеб. Муки получали по 8 килограммов в месяц. Но я немножко заработала: жала ячмень в колхозе. Сжала, неумеха, только полгектара, получила за это 3 пуда зерна. Меняла рубашки Павла на молоко для дочки, ее пеленки — на картошку. Однажды пришел от него перевод на 200 рублей. На эти деньги можно было купить полпуда картофеля. Что говорить! Жили как могли. Я писала каждый день письма. Ждала его писем и всегда боялась: а вдруг... Радио не было. Газеты читать ходили в отделение связи, а сводки Информбюро нам передавали по телефону.

1943 год.

Он:

— Дорогие Валя и Танюша! Сегодняшний день в моей жизни и в жизни моих боевых друзей ознаменован замечательной победой. Мы с боем заняли крупный населенный пункт. Фрицы драпали от нас. А население радостно встречало своих освободителей. Какое приятное чувство охватывает, когда видишь лица, орошаемые слезами счастья... Хоть бы на один день заглянуть к вам, повидать вас, прижать к своей груди, поцеловать. Как это пока несбыточно! Возьмем же себя в руки, милая Валя, и твердо, уверенно и спокойно-

но будем ожидать лучших дней. Скоро исполнится два года с момента моего отъезда. Пока жив, здоров, остаюсь тем же самым Павлушей, каким ты меня знала. Надеюсь, таким же и предстану перед тобой в недалеком будущем, ибо все события говорят за то, что приближается полный разгром гитлеровской армии... Сижу сейчас в окопчике и думаю, что я сделал полезного за эти два года. Защиту своего Отечества не беру в расчет, это долг каждого. Но если это выкинуть, то остается... пустота, ноль. Как я, наверное, убог сейчас. Если б ты взглянула на меня, моя милая девочка, то побоялась бы обнять, а предложила пройти не меньше, как трехдневную са-нобработку. Ты только не пугайся. Бывает, когда вполне доступны такие человеческие удовольствия, как ежедневное умывание, бритье, баня и проч. Но бывает, что это невозможно. О войне писать вообще не особенно удобно. Да и тебе не будет легче, если ты узнаешь, что сейчас над моей головой воют снаряды и земля содрогается от их взрывов, причем все так близко. И это обычная картина. В иные часы краски военной музыки сгущаются до предела, и тогда остается единственное всеохватывающее чувство — жить... После жестокой и долгой битвы люди сваливаются в бесчувственном сне. Но не думай, дорогая, что все дни так мучительны и тяжелы. Нет! Ведь мы побеждали и шли вперед. Шли победным маршем по освобожденной земле... Пишите о себе. Как Танюша? Поцелуй ее за меня. Остается пожелать вам всего самого наилучшего. А Танюше дополнительно — успехов в развитии речи, ума и изящества, необходимых будущей красавице. Так ведь, мамочка? Вот и скажи это дочурке. Крепко целую.

Она:

— В Новый год мы устроили в школе праздник. Собрались ученики, их родители, педагоги. Читали сообщения с фронта, поздравляли друг друга, а потом было угощение — овсяный кисель и чай. Зимой жили трудно. В школе не хватало дров. Однажды даже вывозили их по насту из леса, из Барышевской рощи. А уполномоченный лесхоза, увидев, что у нас нет хорошего топора, привез нам колун. Осенью меня назначили директором Абрамычевской школы. Прежнего, Доната Иннокентьевича Сибирцева, арестовали. Их семья приехала из Борисоглебска Воронежской области. Отец Доната Иннокентьевича, Иннокентий Николаевич, был инженером парфюмерной промышленности, знал два иностранных языка и тоже преподавал. Оба были большими эрудитами и умницами. Я у них многому научилась, особенно — дисциплинированности в ра-

боте. Когда Сибирцева арестовали, за мной приехали на лошади из НКВД. Спрашивали, какую он вел подрывную деятельность. Я была очень напугана, но все-таки ответила, что никакой, ведь это было правдой. Летом мы с Ниной отправились на родину мужа — в д. Куракино. Сто километров шли пешком. Мой отец сделал для Тани тележку из окупчика на одном колесике. Везли ее на этой тележке. Помню, в с. Потняк священник дал для дочки молока. В Куракине мы собирали грибов, малины, засушили и очень радовались — будет что есть, ведь картошки своей уже насадили, а теперь еще и это богатство. Новый учебный год начался с работы в колхозе: в каждой деревне у нас трудилась бригада ребят с учителем. В основном убирали лен — в любую погоду. Но хорошие вести с фронта поднимали настроение, и жизнь казалась не такой уж и трудной.

1944 год.

Он:

— Я не мог написать тебе в течение целого месяца и представляю, как трудно переносила ты мое молчание. Но ничего, славная девочка, твой Павлуша благополучно перебрался на другой берег Днепра. Если будут писать историю Великой Отечественной войны, то бои за Днепр войдут в нее как самые яркие страницы, от начала до конца насыщенные беспримерной героикой и мужеством. Коль судьба будет к нам настолько милостивой, что мы встретимся вновь, как-нибудь потом расскажу обо всем, что я здесь видел... А ты напрасно скромничаешь, говоришь, что писать не о чем. Это тебе так кажется. Мне интересно решительно все. Я так давно не был в школе и так скучаю по своей профессии, что даже трудно выразить это словами! Так что пиши, дорогая, больше. Но Боже упаси, если ты будешь отрывать для писем время от сна и отдыха! Храни свое здоровье, береги себя. Еще впереди много-много дней, когда будет тихая, мирная жизнь, когда после прекрасного творческого труда люди будут не менее прекрасно отдыхать. И вот тогда наше здоровье будет нужно более всего, ибо больной человек не может вдохновенно работать и беззаботно веселиться. Но я, кажется, заговорился и забыл о дочурке. Как она поживает? Знаешь, я ей завидую. Подумать только — и купается, и в кровати спит, и маму каждый день видит! Слышишь, Танюша, я тебе очень завидую! Уж и побалакаем мы с тобой когда-нибудь... Сижу сейчас в богатом венгерском особняке. Хозяин сбежал, оставив все свое добро. Наигрываю на пианино знаменитые «Дунайские волны». Должен тебе

сказать, что эти самые волны мне приходится даже видеть. Один день проходит за другим. Иногда разгорится жаркий бой, иногда — затишье. Так и идет время. Как мы ни спешим, ни торопимся и творим поистине чудеса, до конца войны и до нашей встречи еще очень далеко. Ах, какой это будет счастливый день!

Она:

— В том году к нам в школу приехал инспектор из облоно и заметил, что у меня заштопан сарафан. А наш физрук Екатерина Ивановна вела уроки в зеленых штанах, сшитых из одеяла. Видя такое бедствие, он похлопотал о нас, и нам выделили материал на юбки — черный, шерстяной, настоящий. Вот была радость! В школе нас работало 12 человек. В основном — молодые педагоги. Готовили концерты, постановки. Председатель сельсовета П.С. Зыков хорошо играл на гармонии и был у нас аккомпаниатором. В свободное от уроков время мы постоянно ходили по деревням за три—четыре километра — почитать людям письма, газеты, рассказать о событиях на фронте. Боялись дезертиров, что скрывались в наших лесах, но все равно ходили. А молодежь бегала на вечерки в Николу. Бывало, собираются, и мы, старшие, им наказываем, чтобы организовывали игры, учили хорошие песни, несли культуру... Весной мы стали недосчитываться наших учеников. Помню, трех братьев из Майоровского колхоза наняли пасти скот. Отец на фронте, мать одна, пятеро ребятишек. Как-то надо жить. Это все понимали, и учительница стала проводить для мальчиков индивидуальные уроки в поле. Пока стадо отдыхает, она с ними занимается. В те годы чувство самоотверженности было присуще всем. Мы, учителя, для себя ничего не просили, наоборот, стремились больше дать другим. Как-то раз Ходыкин из райвоенкомата приехал проверить, как у нас преподается военное дело. Пора обедать, приглашаю его: садитесь, поешьте, а он отвечает: «Хочу. Но не буду». Знал, что продуктов нам самим не хватает, потому и отказался. Такое было время... Идешь в райцентр, туфли в руках несешь, возле города обуешься, потом на том же месте разуешься и обратно босиком.

1945 год.

Он:

— Фрицам сейчас некуда рваться. Все ихнее паршивое отродье побили. Сделали свое дело — и точка. Как они ни свирепствовали, ни скрежетали своей броней, но победили мы... Эти последние недели я был в боях. Москва нам салютовала, а Сталин благодарил.

Сейчас дали немного отдохнуть. Вчера утром выезжал на легковой машине из города. Как живописны и привлекательны здешние места! Только сейчас я обратил внимание, что уже весна. Цветущие фруктовые сады окаймляют шоссе, зеленый лес расстилается по отрогам Карпат. Невольно вспоминаются Штраус и его «Венский вальс». Ты, наверное, помнишь то место из «Большого вальса», когда он и она едут на фаэтоне по лесу, а кучер играет на дудочке, переключаясь с соловьиной трелью. Как это ни странно, но я ехал по тому самому месту и действительно слышал весеннюю песнь венского соловья. Да, какова судьба человека! Куда она только ни забросит! Но для всех нас сейчас магическим стало слово «Россия». Ни одна страна не стоит ломаного гроша по сравнению с Россией, в этом я убедился... Да, дорогая, если раньше я говорил тебе в письмах, что вот пройдет война, и мы встретимся, так этому я сам ни крошечки не верил, просто старался ободрить тебя. Но сейчас есть все основания верить. Союзники близко. Еще день, другой — и всё. Интересные явления происходят в природе: с запада надвигаются темные тучи, они разражаются грозой над логовом зверя и сметают с лица земли его проклятое наследие; вот эти тучи подходят совсем близко к нам, и я уже слышу их громовые раскаты, но не боюсь их, иду им навстречу и знаю, что, вылив свой гнев на врага, они встретят меня улыбающимся, освещенным яркими лучами солнца миром... Ни о чем не беспокойся. Целую. До встречи.

Она:

— 9 мая... Никогда не забыть. По улице бежит работница сельсовета, машет руками. Мы: «Что случилось?» Она: «Война, война кончилась!» Вскоре приехал председатель сельсовета, рассказывает, а я слушаю его и плачу. Через много лет мы с моей бывшей ученицей вспоминали этот день. Она мне призналась: «Мы удивлялись: чего это директор слезы льет? Только позже мне стало понятно, почему вы плакали». А 18 октября Павел приехал в отпуск. Дочь, когда узнала, что едет папа, все гадала, кого он сначала поцелует — ее или меня. Так уж вышло, что я первой выбежала к нему навстречу. Зато Таня тогда впервые попробовала сахар, конфеты, и они ей очень понравились.

Вот и весь рассказ. О войне написано немало. Но мне хотелось, чтобы вы поняли этих двух людей, переживших ее, посочувствовали им. Надеюсь, так и произошло.

Галина Ермолина,
1995 г.

Яраничи на трудовом фронте Великой Отечественной войны

Одной надеждой, одним стремлением — разгромить врага, напавшего на страну, жил в годы Великой Отечественной войны весь советский народ. Мужчины взяли в руки оружие, а те, кто оставался в тылу, на хлебном поле или у заводского станка: женщины, подростки, старики — всеми своими силами, поистине героическими трудовыми достижениями стремились помочь фронту и приблизить победу.

Работа государственных предприятий в Яранском районе в годы войны

Главной задачей коллективы промышленных предприятий считали быстрее выполнение и перевыполнение государственных обязательств. В военные годы по-настоящему самоотверженно работал коллектив местного ликеро-водочного завода. В 1941 году завод вырабатывал 36 764 дкл. водки, а в 1944 — 102 632 дкл. И, кроме того, водочных изделий горьких — 7 920 дкл., сладких — 84 835 дкл. Государственный план был выполнен в 1944 году на 404 %.

Водка выпускалась 40, 50 и 56 градусов. Из сладких алкогольных напитков — настойки брусничная, яблочная, уральская, рябиновая, клюквенная, сливянка, из горьких — смородиновая, для населения производился денатурат.

Производительность труда выросла в 1944 году до 250%. А численность работающих с каждым годом уменьшалась: если в 1941-ом на заводе работало 86 человек, в 1943 — только 60.

Особое внимание заводчане уделяли и работе подсобного хозяйства. Выращивали картофель, свёклу, лук, чеснок, капусту, морковь, брюкву, помидоры, огурцы, возделывали зерновые культуры для откорма крупного рогатого скота и свиней. Полученные продукты поступали в заводскую столовую.

Спиртовый завод — одно из крупнейших предприятий в районе. В 1941 году здесь работали 258 человек, в 1943 — 118 (в том числе 82 рабочих). В 1941 завод вырабатывал 274 800 дкл. спирта, в 1944 — 60 293 700 дкл.

Военная обстановка потребовала коренной перестройки в работе предприятий. Везде и всюду рабочие и служащие показывали небывалые образцы производительности труда, женщины успешно овладевали мужскими профессиями. Рабочая спиртзавода Н.В. Дьяконова заменила опытного машиниста, ушедшего на фронт. Машинисты Комарова, Полушина, работница Царегородцева и многие другие выполняли нормы выработки на 120—125%.

Спиртовой завод тоже имел подсобное хозяйство, на котором выращивались овощи и зерновые культуры. В 1944 году площадь посева хозяйства составляла 51,72 га, в том числе под картофелем — 19 га. Заводчане содержали 11 коров, 46 свиней и 11 овец. Полученная продукция шла в заводскую столовую.

Выполнял спецзаказы для нужд Красной Армии яранский лесхоз, успешно справляясь с задачей. В условиях войны он неоднократно завоёвывал всесоюзные премии по 30 тыс. рублей за ежегодное перевыполнение планов по спецассортименту.

В спецассортимент входил выпуск саней, лыж, лодок-бударок, ружболванок для автоматов ППШ. Ложи для автоматов были сделаны из нашей яранской берёзы.

Лесхоз производил дрова, чурки берёзовые, клёпки осинового лыка, мётлы, оглобли, обручи, бересту, уголь.

В военные годы успешно работали яранские мясокомбинат и маслозавод. На мясокомбинате вырабатывали: мясо (более 4 тыс. центнеров), колбасные изделия (более 150 центнеров), студень, пельмени, пирожки, котлеты, жир топлёный, мыло и т.д. На маслозаводе выпускали масло, казеин, творог, брынзу, простоквашу, сыровую массу, кефир, молочный квас и мороженое.

Не только результатами труда, но и заработанными средствами делились яранские трудящиеся. Ежемесячно в фонд обороны отчислялся дневной заработок всех работающих на предприятиях города.

Работа предприятий местной промышленности

Производством товаров широкого потребления в районе занимались промышленный и пищевой комбинаты, артели «Швейпром», «Металлист», «Прогресс», артели слепых, инвалидов — «Ударник» и многопромышленное товарищество.

В 1941 году промкомбинат выпускал в числе основных изделий бочки, кадки, столы, стулья, табуретки, тумбочки, кровати раскладные, парты, телеги, сани, колёса, ульи, столовые ложки, диваны, комоды, гардеробы, этажерки, гончарную посуду и кирпич.

В пищекомбинате производились квас, морс, брага, пряники, конфеты, варенье, сушёные ягоды и грибы, солёные грибы и капуста, огурцы, помидоры, сыровое масло, мороженое, простокваша, рыба, сало, повидло, а попутно — клей и колёсная мазь. Предприятие имело свиноферму и молочную ферму, занималось возделыванием зерновых культур, картофеля, сахарной свеклы, выращивало другие овощи и ягоды.

Вопросы работы местной промышленности регулярно рассматривались на заседаниях исполнительного комитета и сессиях районного Совета депутатов трудящихся.

В условиях военного времени перед коллективами ставились задачи как можно больше дать стране продовольствия и товаров первой необходимости, строительных материалов, используя местные сырьевые ресурсы. А в первую очередь — справиться с выполнением оборонных заказов, принимать все меры для удовлетворения нужд фронта, населения города и сел.

Коллективы свои производственные программы перевыполняли, ежегодно внедряли выпуск новых изделий. Промкомбинат наладил выпуск одёжных и сапожных щёток, лопаток для точки кос, помазков для бритвы, деревянных гребешков, детских игрушек. Артель «Швейпром» — верхнего ручного трикотажа, артель «Прогресс» — шубных рукавиц, комнатных туфель и тапочек, артель слепых — вожжей, уздечек, чересседельников, сенных кошлей, упаковочной верёвки, хозяйственных сумок, багажных ремней. Артель «Ударник» занялась выпуском подошвы-юхты и переплётом книг; артель «Металлист» — брючных крючков и петель к ним; пищекомбинат и многопромысловое товарищество — хозяйственного мыла.

До местной промышленности доводились довольно высокие планы и их надо было выполнять, а кадров не хватало. На производстве работали в основном женщины и дети, но с поставленными задачами справлялись успешно.

Так в 1944 году в целом программу выполнили: промкомбинат — на 137,5%, артель «Швейпром» — на 128,5%, артель «Прогресс» — 110,7%, артель слепых — 128,4%, пищекомбинат — на 109%. Количество рабочих на предприятиях в то время составляло: 66 человек на промкомбинате, 42 — на пищекомбинате, 54 — в промысловом товариществе, 121 — в «Швейпроме», 129 — в «Прогрессе», 45 — в артели слепых, 54 — в «Металлисте», 54 — в «Ударнике».

Дисциплина на предприятиях была тоже военная. За опоздание на работу от 8 до 30 минут, за сокрытое опоздание, за невыполнение указания, норм выработки объявляли выговор, за появление на работе в нетрезвом состоянии привлекали к судебной ответственности. Впрочем, нарушение трудовой дисциплины среди работников было редким случаем. Так в 1944 году за опоздание на работу в «Швейпроме» наказали 6 человек, в «Металлисте» — 5 человек, в других предприятиях за этот период нарушений не значится.

Люди самоотверженно работали в тылу. Об этом свидетельствуют документы:

«Рассматривали вопрос о выполнении сверхплановых заданий по выпуску товаров для обороны Сталинграда. На собрании принято решение ежедневно дополнительно работать по 2 часа, кроме рабочего времени...» (из протокола общего собрания Яранского промкомбината от 18 марта 1943 г.).

Выступление в прениях рабочего Максимова: «Во время работы наблюдается хождение от станка к станку и разговоры. Нужно это прекратить и выполнить план на 200%» (из протокола общего собрания в том же коллективе, от 23 апреля 1943 г.).

Артели сыграли большую роль в выполнении программ по выпуску товаров широкого потребления. В «Ударнике» шили и ремонтировали обувь, чинили часы, производили колбасные и столярные изделия. В артели слепых — выпускали хозяйственную верёвку, лапти—чуни, вязали носки. В «Прогрессе» — новую обувь, шубные овчины, ремонтировали обувь и одежду, производили мыло, шили рукавицы. В «Металлисте» — серпы, гвозди, пуговицы, сельхозинвентарь, сегменты и вкладыши для сельхозмашин, подковы, ремонтировали бытовую и весовую технику. В «Швейпроме» — шили пальто, костюмы, гимнастёрки, брюки, юбки, платья, блузки, рубашки, сорочки, мужское бельё, халаты, головные уборы, трикотажные изделия (носки, чулки, жакеты, свитера), занимались покраской и фотографией. В многопромысловом товариществе выпускали косные лопатки, чуни, хозяйственные верёвки, брезентовые рукавицы, лыковые лапти, сапоги валеные, вязаные варежки и носки.

Работа по увеличению производства товаров широкого потребления на предприятиях местной промышленности активно продолжалась и в послевоенные годы.

Сельскохозяйственные предприятия

Колхозное крестьянство обеспечивало фронт хлебом, мясом, молоком, сырём и денежными средствами. Главной своей задачей колхозники тоже считали выполнение государственных планов. С первых дней уборки нового урожая начиналась сдача хлеба государству, борьба за досрочное выполнение взятых обязательств.

В 1942 году колхозы района поставили государству 69 842 ц зерна. Темпы роста с каждым годом увеличивались. В 1944 году хлеба было отправлено на 85 706 пудов больше, чем в 1943-м.

За годы войны район дал фронту 603456 пудов картофеля, 101 664 пуда мяса, 188 613 пудов хлеба. По постановлению ЦК ВКП(б) и совнаркома СССР, для колхозов была установлена обязательная погектарная сдача овечьего молока государству. Каждый колхоз нашего района обязывался сдать 50 граммов брынзы или 6 литров овечьего молока с каждого гектара земельной площади и 750 граммов брынзы с каждой овцематки с подворий колхозников. Молоко овец использовалось для выработки разных сортов сыров, которые шли исключительно в армию, на фронт, как продукт очень питательный и долгосохранимый. Успешно справлялись с заданием колхозы «Катанурский» Ланцевского сельсовета, «Бусыгино» и «Наумово» Красногорского сельсовета и «Салобелякский».

В 1942 году в колхозах района было трудоспособных в возрасте 16 лет и старше: мужчин — 2575, женщин — 9449, подростков от 12 до 16 лет — 3317 человек.

Председатель колхоза «Добровольский» Ланцевского сельсовета Т.И. Кудрявцева показала себя умелой, знающей методы руководства коллективным хозяйством. Ни один участок работы не проходил мимо заботливой хозяйки колхоза.

С раннего утра и до поздней ночи, без выходных, на колхозных полях кипела горячая работа. Днём в деревнях не было ни одного старика, ни одного подростка — все они дополнительно вливались в трудовые звенья, работали на полях.

В Б-Ершинском колхозе Ивановского сельсовета на должность бригадиров полеводческих бригад встали молодые девушки Коржакова и Соловьянова. С первых же дней работы они проявили большую инициативу по расстановке рабочей силы, а в организации труда особое внимание уделяли учёту трудодней, следили за исполнением трудовой дисциплины. В процессе работы подавляющее большинство колхозников показало дисциплинированность и высокую производительность труда.

В 1944 году Е.К. Тресцова из колхоза «Вещевский» выжинала на уборке по 0,15—0,2 га в день, по 6,5 га за сезон. Трактористка Яранской МТС А.М. Берлякова вспахала на тракторе СТЗ 345 га при норме 119, сэкономила 317 кг горючего. Г.В. Русинова, трактористка Кугушергской МТС, вспахала на тракторе У—2 310 га при норме 122, сэкономила 200 кг горючего.

Распорядок рабочего дня в период войны у тружеников села был таким:

4 часа утра — начало рабочего дня.

С 8 до 9 часов — завтрак и подкормка тягла.

С 13 до 15.30 — обед и кормление тягла.

21 час — окончание работ.

Работа детских яслей и контор длилась с 3 до 22 часов.

В период проведения полевых работ крестьяне ощущали нехватку в тягловой силе, в тракторах и лошадях. Часть лошадей из колхозов взяли для нужд Красной Армии. В целях увеличения поголовья тягловой силы в колхозах района был произведён отбор крупного рогатого скота для использования его на сельхозработках. Впрягали в упряжь быков, низкоудойных и яловых коров использовали для вывозки на поля навоза, подвозки на фермы воды, кормов, в поле — семян, для боронования и т.п. Всего в районе было обучено для запряжки 817 голов КРС. Из них с колхозных ферм было взято 562 головы, а с подворий колхозников — 253 головы.

В колхозе «Черепановский» Савичевского сельсовета в 1943 году И.Т. Христоролюбов пахал на быке за день по 0,65 га, — при норме 0,30 га. Старались и подростки. В колхозе «Русско-Дубничковский» Уртминского сельсовета 16-летний Виктор Сабанцев за время весеннего сева в 1944 году вспахал на лошади 15,5 га, ежедневно перевыполняя нормы выработки. Василий Куракин пахал на быке и тёлке, ежемесячно перекрывая нормы выработки на 150% и более.

Вклад в победу сельяне внесли и денежными средствами, отдавая деньги на строительство боевых самолётов, создание танковых колонн, на восстановление Сталинграда. В колхозах работали комиссии по приёму одежды. Жители села отправляли на фронт валенки, телогрейки, сапоги, носки, варежки.

К Новому году и Дню Красной армии посылали индивидуальные подарки бойцам с мёдом, маслом, сухарями, грибами и т.п.

В дни войны колхозный строй показал свою величайшую жизненную силу. Важно и то, что люди, наше колхозное крестьянство и

трудовые коллективы промышленных предприятий активно, с полным осознанием необходимости выполнения своего долга перед Родиной содействовали Красной Армии в достижении победы над врагом.

Светлана Карачёва,
*заведующая архивным отделом
администрации Яранского района.*

Жизнь деревни в годы Великой Отечественной войны

История моей малой родины неразрывно связана с историей страны и не осталась в стороне от тех трагических событий. Неоценимый вклад в дело победы внесли труженики сельского хозяйства нашего колхоза «Искра». В предвоенный период каждая деревня представляла один колхоз, их укрупнение началось позднее, в конце сороковых. По архивным данным, в 1940 году в Кугальском сельском округе насчитывалось 18 колхозов. В каждом было 20—30 и более хозяйств. Приобретали технику. За работу начисляли трудодни, на них выдавалась натуроплата: зерно, мед, если в колхозе была своя пасека.

У каждого хозяина имелось 40 соток пахотной земли. На своем участке выращивали не только овощи, но и сеяли зерновые культуры. Почти все имели равные возможности благополучно жить своим хозяйством. В деревне очень немногие не держали корову или лошадь.

Электричества и радио не было. Газету «Яранский колхозник» выписывали единицы. По воспоминаниям Юрия Константиновича Созонова (1931 г.р., д. Сабаны), с лучиной и свечой не сидели, т.к. керосин для ламп был всегда в продаже. В селе рядом с церковью построили клуб, приобрели ламповый радиоприемник, и желающие приходили слушать передачи из Москвы. Один раз в месяц привозили кино, сначала немое, а незадолго перед войной — звуковые фильмы. С 1937 года в селе открыта семилетняя школа, куда пришли учиться дети из Кугалок, Уртмы и Лома. Начальные школы работали в Мари-Васькино и в д. Молдваж (Макаровская школа).

Жизнь в деревне шла своим чередом, никто не догадывался о надвигающейся беде для всей страны. Но она пришла. 22 июня

1941 года страшная весть разнеслась: ВОЙНА!

Вскоре начался массовый призыв военнообязанных на фронт. Призывали молодежь с 19 лет и старше и уже семейных мужчин. Это был период страха и горького предчувствия за жизнь уходящих, может быть, навсегда любимых мужей — кормильцев и сыновей — еще почти босоногих мальчишек, иногда единственных.

Из воспоминаний Юрия Константиновича Созонова: «Никто не хотел, но все были готовы получить повестки. Они приходили в большие крестьянские семьи иногда и дважды, и трижды. Провожали на фронт всей деревней. В доме готовили стол для прощания. Призывнику собирали котомку с едой, подбирали одежду по сезону. Колхоз выделял лошадь, чтоб доехать до города... В горе и недобром предчувствии заливается слезами жена. Молит бога и надеется на спасение сына богомольная мать. Сочувственно вытирают глаза пришедшие попрощаться соседи. За столом — семья и приглашенные. Дают советы рекруту, напутствуют. Бывалые подсказывают, как уберечься от пули, как вести себя в бою. Дети еще малоосознанно смотрят на происходящее и стараются быть похожими на взрослых. Бог уберег их от переживаний: они ещё не думают о том, что отец может погибнуть. И он их успокаивает: обещает вернуться с гостинцами... Подходит время отправки. Последние объятия... На улице подвыпившие поют песни под гармонь, русские народные, старинные... По деревне шли пешком, на телеге лежали только котомки и сидели дети. Стоявшие у домов старушки плакали и крестились, по-своему напутствовали с пожеланиями остаться живым и невредимым. Провожать в город ехали только близкие родственники. Прощание в городе (у райвоенкомата) было еще драматичнее...».

В первые месяцы войны из деревень нашего сельского округа ушли почти все мужчины, остались женщины, старики, подростки и дети. На их плечи легла вся тяжесть деревенской жизни. Надо было обрабатывать землю, выращивать хлеб, готовить корм для скота — коров, лошадей, быков — основной тягловой силы в деревне.

В колхозах проходили митинги, на которых люди обещали трудиться с удвоенной энергией, своевременно выполнять государственные обязательства и финансовые платежи, обеспечивать все нужды Красной Армии, чтобы победить врага. «В грозные дни Отечественной войны с усиленной энергией будем работать на колхозных полях. Вырастим высокий урожай, полностью и в срок соберем его. Снабдим нашу Красную Армию хлебом, мясом, маслом и други-

ми сельхозпродуктами...» — заявляли в своей резолюции участники собрания в колхозе имени Кирова 6 июля 1941 года, о чём сообщила газета «Яранский колхозник». Из резолюции собрания в Мари–Васькинском колхозе: «Мы заверяем, что еще теснее сплотим ряды вокруг партии, честно и самоотверженно будем трудиться на своем посту, еще больше потребуем от себя и других дисциплины в труде, чтобы обеспечить все нужды Красной Армии, чтобы обеспечить победу над врагом».

До каждого колхоза доводился годовой план сдачи государству сельхозпродукции — зерна, картофеля, мяса, молока, шерсти... Госпоставки осуществлялись под строгим контролем уполномоченного из района. Хлеб сдавался полностью, для выполнения плана забирали даже семена.

С годами все труднее было справиться с планом. Сортовые семена надо было завозить из Советска, Кикнура, Кугушерги... Моим землякам, даже женщинам, приходилось носить зерно на себе по 15–20 кг в любую погоду по весенним заморозкам, приспособившаяся ляжки, санки — кто как мог. Было нестерпимо тяжело, не каждый это выдерживал. Но вера в победу придавала сил. Вера Константиновна Кузнецова (1918 г.р., д. Терехино), которая работала бригадиром в Терехинском колхозе, вспоминает, что особенно тяжело приходилось в посевную, летнюю страду и уборку. Пахали на быках двухкорпусным плугом женщины и даже подростки–мальчишки. Уставали не только люди, но и животные. На своих земельных участках готовили землю своими силами. Делать это приходилось после колхозной работы, которая заканчивалась не раньше 10 часов вечера. Это подтверждает и Серрапион Игнатьевич Чагин (1930 г.р., д. Молдваж): «Во время войны нам, подросткам 11–12 лет, приходилось работать на быках, особенно на вспашке зяби. На нас, трёх подростков, дали старичка, и он направлял нашу работу, учил премудростям, настраивал сохи. Было нелегко управлять быком и держать ручки сохи. Но так мы зарабатывали на жизнь и помогали матерям».

Хлеб с глубинных складов на линейные пункты вывозили на лошадях. Устанавливали график отгрузки зерна. Возили зерно в Йошкар–Олу и Табашино женщины, подростки и старики. Ездили за солью, керосином в Советск, Йошкар–Олу.

Вспоминает Александра Ивановна Епифанова (1918 г.р., д. Ново–Троицкие): «Мужа взяли на фронт в первые дни войны, когда дочке не было и года. Работала бригадиром в колхозе. Хорошо,

что жила со свекровью, а то как быть с малым дитем? Приходилось возить зерно на приемный пункт в Йошкар—Олу. Дорога была длинной, ночевали в деревнях по пути следования. Страшно вспомнить о том, как однажды меня с жеребенком оставили в лесу ночью одну, или про случай на приемном пункте, когда при разгрузке мешков с зерном лошадь порвала мешок, зерно высыпалось, а весовщик из-за этого разбил мне губу. Плакала больше от обиды, чем от боли. Потом, правда, досталось ему от односельчан при повторной встрече. Но этот случай запомнился мне на всю жизнь...».

И хотя было очень трудно, но земельные площади в колхозах засеивали полностью, работая с утра до вечера. Урожай убирали весь, выполняя и перевыполняя необходимый минимум по отправке продовольствия Красной Армии. Сами жили впроголодь, особенно весной, ели хлеб с клевером, лебедой...

Тяжело приходилось подросткам — мальчишкам и девчонкам 11—15 лет, которые выполняли мужскую работу, заменяя отцов, братьев, ушедших на фронт. Их фронт был в колхозе.

Вспоминает Валентина Максимовна Ячменева (1931 г.р., д. Мар. Дубники, ветеран труда, награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»): «Страшную весть о начале войны узнали в деревне в тот же день. Началось горе везде, в том числе и в нашей семье. Семья была большая — детей 5 человек и все еще малы. Я в семье третья. В 41-м закончила 2 класса. Продолжала учебу в Мари-Васькинской школе. Ходили в лаптях, учились без тетрадей и учебников. После окончания 4-х классов начала работать в колхозе, помогала матери. Было очень трудно. Особенно запомнила, как впрягались в соху или черкуху, чтобы обработать свой земельный участок. Силы были малы, впрягались все, кто мог держаться за веревку.

Непросто было и в послевоенные годы. Отец погиб на фронте в 1942 году, мама одна поднимала нас на ноги. Даже не верится, что это все мы выдержали, выжили...».

То же подтверждает Лидия Николаевна Сабанцева (1927 г.р., д. Силичи), которая всю войну работала в колхозе на прикрепленной лошади. Сколько было пролито слез от того, что не все получалось! Работать приходилось много — от темна до темна.

На более легкие работы подростки выходили без руководства старших: ворочать и грести сено, подгрести за возами, тереть лен, вязать снопы, молотить. Обмолот зерновых снопов производили конной молотилкой. «Какое удовольствие испытывали мы от

коллективной работы, — вспоминает Таисия Николаевна Бездежных (д. Терёхино). — И пусть было трудно, но мы не унывали, знали, что этим помогаем фронту. Наши отцы почти у всех были на войне...».

Жизнь продолжалась. Как снежный ком, нарастали проблемы в семьях, в колхозе, в стране. На фронт уходили подросшие по возрасту парни, на их место к лошади или быку закреплялись новые мальчишки — подростки. «К середине войны пошли в ход быки, лошадей не хватало. Так к 12 годам (1943 г.) мне и моим сверстникам доверили работу на лошади. Доверие мы оправдывали и были горды этим, быстрее выросли, — вспоминает Ю.К. Созонов. — С годами выполняли все виды работ, доступные нашему физическому состоянию. Научились не бояться лошадей, управлять и обращаться с ними. Нас без опасения назначали на боронование и другие работы. Мы работали, как правило, вдвоем с моим другом Генкой. С ним смело скакали на еще не до конца обьезженных молодых лошадях — двухлетках, возили снопы на ток для обмолота, мешки с зерном с ладони (расчищенного места в поле) в церковь, на приемный пункт зерна, разгружали мешки на весы, потом волокли их по гладкому полу к алтарю, легко высыпали и ехали за следующей партией. Легко было работать на старой покладистой лошади, но рискованно на молодой или беспокойной. Однажды меня направили на боронование верхом на племенном жеребце Буяне. Я все выполнял, и сначала дело шло хорошо. Но когда переходил на другую сторону, чтобы завести к хомуту вторую постромку от бороны, ослабил непроизвольно натяжение повода. Буян, видимо, почувствовал себя униженным таким малым «хозяином», захватил предплечье моей левой руки, немного приподнял и отпустил. На руке остались две «подковы» — отпечатки от его зубов. Я, конечно, напугался, уже не запрягал его, а отвязал постромку и повел его обратно на конный двор.

Позднее мы научились управлять и быком. Это был племенной бык График — сильный, неторопливый и упрямый. Однажды он затащил наш воз с мешками в глубокий овраг. Мы с Генкой, сидя на мешках, накрутили ему хвост, и он вытянул воз наверх... Одно лето, на том же Графике, мы ежедневно возили молоко со сливного пункта из д. Сабаны на сепаратор в д. Мари — Васькино. Туда 10 бидонов молока, обратно — обрат (обезжиренное молоко). Друг Генка был из эвакуированных из Ленинграда. Его семья жила в нашей деревне. Он хорошо знал и пел русские народные песни и меня научил

любить их. Искал я его в Питере в наше время. Не нашел...».

Деревня пустела, приутихла. В семьях, особенно больших, оставшихся без мужчин, не хватало хлеба. Надо было обработать землю, заготовить дрова... Не было мыла. В бане мылись только щелоком (настой золы в кипятке), в лучшем случае раз в месяц и перед религиозными праздниками. Работа по дому и на своем участке выполнялась на досуге от колхозной. Основной огородной культурой была картошка, которая спасала и спасла многих от голодной смерти.

Наряду с проблемами питания возникали проблемы с прокормом поголовья скота и отдельно лошадей. Надо было заготовить корма на зиму. Во второй половине войны это стало не менее важным и проблематичным, чем уборка хлеба.

Деревня и уцелевший за зиму скот оживали с приходом весны. Ели все, что можно было взять от земли, начиная с картошки, которая осталась невыбранной с осени. Питательную ценность представлял крахмал, который отмывали, отстаивали и сушили, а потом употребляли его в разных невероятных блюдах неписаной кулинарии. На невспаханных полях рано появлялись пesty — вкусные съедобные ростки полевого хвоща, которые ели и дети, и взрослые. Лакомством служили «петушки» с сосны и ягоды с елки. Затем шли земляника, малина. Мальчишки и девчонки корзинами и решето-м ловили пескарей в нашей речке Уртме.

Школе в годы войны приходилось очень тяжело, но она жила. Учеников было много, однако не всем пришлось учиться. После ухода на фронт директора школы Николая Васильевича Старикова директором стала работать учитель математики Алевтина Георгиевна Докудина. Воспоминания ее хранятся в школьном музее.

Она пишет о том, что не хватало учебников, не было чернил, бумаги, поэтому писали на амбарных и старых книгах между строк. Было холодно, голодно, особенно голодали большие семьи. Запасы продуктов, у кого они были на начало войны, закончились. Надо было спасать детей от голода. Школе дали гектар земли, учителя и учащиеся засеяли его ячменем и получили хороший урожай. Ячмень смолотли и полученную муку заваривали. Этим питались и ученики, и учителя. Теперь вряд ли кто стал бы употреблять «завариху» в пищу, ею кормят разве только поросят.

Учителям на прокорм давали 10,8 кг муки, а иждивенцам, членам их семей — 3,6 кг в месяц и по 2 литра керосина на 3 месяца. Как бы трудно ни было людям, они старались всем возможным по-

могать фронту. «Мысли и дела учителей Кугальской неполной средней школы направлены на помощь фронту. Учителя ежемесячно отчисляли однодневный заработок в фонд обороны Родины, активное участие принимали в сборе средств на постройку танковой колонны «Кировский комсомолец», в распространении билетов денежно-вещевой лотереи. Учителя подхватили почин учителей г. Куйбышева в постройке колонны «Народный учитель», отчисляя однодневный заработок», — читаем в газете «Яранский колхозник» за 5 марта 1942 года.

В 1942 году в деревни округа прибыли эвакуированные из Ленинграда и других городов. Размещены они были в разных местах и работали в колхозах или в школе. Так Анна Самуиловна Вейц, учитель математики, с 1942 года до снятия блокады была директором Кугальской школы. В школе работали пионерская и комсомольская организации. Дети участвовали во всех делах, направленных на помощь фронту, а ещё — шили кисеты, вязали носки, варежки для воинов. Учителя готовили посылки и отправляли их на фронт.

Колхозники тоже готовили подарки воинам к праздникам. В районной газете «Яранский колхозник» за 25 февраля 1942 г. говорится: «К дню Красной Армии отправлено много посылок с подарками, в том числе 4 посылки отправлено колхозом Памяти Кирова Кугальского сельсовета. В посылках свиное сало, жареные гуси, сдобные сухари, масло...».

«Колхозники Савватинской сельхозартели Кугальского сельсовета посылают доблестным защитникам Родины первомайские подарки. В посылке весом 33 кг сдобные сухари, соленое сало, сушеное мясо, масло. Мед, сухари, сдобное печенье, лук посылают в двух посылках весом в 59 кг колхозники Пириндинской сельхозартели Кугальского сельсовета...» — писал «Яранский колхозник» 18 апреля 1942 г. «Колхозники Шарпатовской сельхозартели Кугальского сельсовета шлют подарки в Действующую Армию. Они сдали для подарков 7 кг мяса, 10 кг муки, 2 кг масла». («Яранский колхозник» 20 февраля 1943 г.).

Всё — для фронта! В то же время в деревне голодали. Вспоминает Анна Филипповна Швецова (1927 г.р.): «С началом войны закончилось веселое детство. Горе и слезы дома и всюду. У меня ушли на фронт 3 брата и сестра. Двух братьев убили в 1941 и 1943 годах, третий остался инвалидом, домой вернулся без ноги в 1946-м. Голод, холод. Запомнилось, что в школе кормили завтраком — жидким супом из картошки или «заварихой» из муки. Хлеб

ненастоящий, с примесью травы, приносили из дома. Писали на старых книгах чернилами из свеклы или сажи. Трудно было, но мы не падали духом. Вечерами собирались в каком-нибудь доме, сидели с коптилкой. Шили кисеты, вязали носки, варежки для воинов. Потом учителя отправляли посылки солдатам на фронт...».

При всех трудностях и тяжкой для детских плеч работе в колхозе дети учились и даже развлекались, забывая по-детски обо всех неприятностях. Ю.К. Созонов вспоминает: «Зимой мы катались на санках, на деревянном коньке, на лыжах. На лыжах ходили в лес по следам полевой и лесной дичи. Летом с азартом играли на лужайке в «сало» (мяч) и в забытую ныне игру «лапта». В елшиннике между деревнями Сабаны и Ваганы разыгрывали сюжеты настоящих боев с участием девчонок и мальчишек. Была «граница», ее охраняли, засылали «шпионов» и брали «пленных», обменивались ими, учились местные бои, лечили «раненых» и отправляли их в «тыл». Игры были военные: мы хотели походить на взрослых... Все было «по науке»: чего-то начитались, а что-то придумывали сами. Были и другие игры с построением жилья (шалашей из ольхи), рыбалкой и приготовлением пищи из рыбы, найденных грибов, собранных ягод... Все было как бы по-настоящему...».

Своей самоотверженной работой, продуктами сельского хозяйства труженики деревни стремились помочь крепить оборонную мощь своей Родины. Каждая колхозная семья старалась принять активное участие в сборе и изготовлении теплых вещей для воинов. Готовили подарки бойцам к праздникам.

В 1943 году власть призвала помочь освобожденным районам. На этот призыв откликнулись труженики колхозов. По данным районной газеты за 13 мая 1943 г.: «В помощь освобожденным районам колхозники засевали дополнительные гектары зерновыми культурами. Всего по Йошкарскому сельсовету засеяно 12 гектаров зерновых, выделено 6 голов крупного рогатого скота, одна свинья, одна овца...».

Как по всей стране, так и в нашем сельском округе, проходила акция подписки на государственный заем. В начале года подписывались на определенную сумму. За деньгами в деревню приходил налоговый агент, а денег ни у кого не было. Многие прятались, уходя из дома, другие продавали сельхозпродукцию со своего подсобного хозяйства и расплачивались. За это получали облигации займа какого-то года, которые ничего не значили долгое время. И только в 80-х годах государство начало возмещать убытки населе-

нию, выкупать у них облигации.

Неизмеримые тяготы выпали на долю моих земляков. Не было почти ни одного дома, где бы не получили известия о гибели мужа, сына, отца, брата. Всего на фронт было призвано и мобилизовано из деревень нашего округа 454 человека. Не вернулось с полей сражений 245 человек.

Анна Пибаява,

9 класс Кугальской средней школы.

Руководитель — Фаина Матвеевна Баранцева.

Память войны

Пока ещё были живы старики, женщины, взрослые свидетели событий военных лет, собираясь, бывало, вместе, они всегда вспоминали, как жили здесь, вдали от фронта, в деревнях яранских, вятских... Как в наших деревнях Большой Груздовник, Бурдино, Щеглы, Кожы, Тутки ждали и боялись прихода почтальона Татьяны Яковлевны Королёвой! Боялись, потому что после её прихода тут же в каком-нибудь доме раздавался рёв... Значит, опять принесла похоронку. А погибших только в нашей деревне Большой Груздовник было 28. И то же — в каждой деревне, почти в каждой семье.

Как войну пережили люди? — без хлеба, без соли...

Памятник надо поставить корове: многих она спасла от смерти. Хотя и сдавали молоко государству, так хоть обрат ели... Рано весной, как можно раньше, выходили на картофелище целыми семьями, собирали картошку на крахмал и пекли «тошнотики». Геннадий Александрович Чернобоков рассказывал о том, как ходили они с братом младшим, Юрой, и тот однажды завяз так, что выбраться самостоятельно из грязи не мог, пришлось вытаскивать. А у лаптей-то оторвались верёвки, и бедолагу вытянули босиком...

Я помню маленькие лапти.
С рассветом в школу я вставал,
И каждый раз я горько плакал,
Когда те лапти одевал.

Хоть и обуться был научен,
С лаптями трудно совладать:
Я эти чёртовы онучи
Не мог как надо намотать.

Дожив до весны, радовались утром солнцу, шли за пестами, потом — за щавелем, а позднее ходили с братом Николаем серпом сжинать птичий щавель и лебеду по обочинам дорог — на лепёшки. Клеверные кашки (соцветия) собирали не просто так, свободно, а «воровски», на лугах вдоль Ярани. И не заметим, как на гору у деревни выйдет бригадир Пётро Настин и грозит кулаками: уходите, не путайте траву, а то — штраф матерям нашим.

Среди этих людей, обеспечивавших фронт и город всем необходимым, многие стали жертвами подлой войны, а не её героями. Ссылали семьи пленённых, а их было 4 миллиона 59 тысяч, да ещё около 900 тысяч бойцов и командиров Красной Армии попали в окружение и находились до окончания войны на оккупированных фашистами территориях. Для НКВД был важен один документ «на изменника» — и тогда ссылке подлежали все близкие родственники. Творилось беззаконие.

На предприятиях наказывали за опоздание на работу на несколько минут, а в деревнях матери, чтобы дети не пухли с голоду, несли домой несколько колосков ржи — и в суд, в лагерь, в лес. Не было дров. Возили на санках и топились сырём из болота. Не было спичек. Чтобы растопить печь, заимствовали горящие угольки у соседей.

Было, и наверное, не только в нашей деревне (только: надо же это!) — на бабах пахали. А помнят такое многие. Вера Михайловна Пушканова, из Знаменки, бригадир той военной поры, подтвердит. Дальнее поле, к Летунам, было под клевером и лошади пахать его не смогли, падали, потому что перед весной из-за нехватки корма они в стойлах висели на верёвках. Соломенную крышу конного двора и ту скармливали. Чтобы лошадки кое-как ходили в упряжи, с боков по оглоблям ставили к ним впристяжку наших матерей. А свои усадьбы вспахивали только сами люди. Моего брата в 12 лет ставили в оглобли коренником, сшивая на шею, под чересседельник, специальную подушку.

Сегодня нет родной деревни,
В тени берёз и тополей...
Она живёт на старых картах,
Да в детской в памяти моей.

День шестидесятилетия Победы должен стать днём всепрощения, примирения и единения всех живущих на нашей многостра-

дальной земле. Объединить же людей могут только любовь, святой долг и ответственность за судьбу Отечества. Лишь тогда мы разорвём порочный круг недоверия и победим все трудности, как смогли отцы наши победить тогда, в 1945 году — 60 лет назад.

С праздником всех! С Днём Победы!

Ананий Веретенников.

* * *

Вспоминает **Екатерина Ивановна Курушина**, учительница средней школы № 1:

Меня всегда трогала чуткость учащихся. Я была прикреплена для воспитательной работы к общежитию школы. К нам привезли учащихся из Ленинграда. Они попали под бомбёжку на станции Мга Северной железной дороги. Многих убило, а те, которые уцелели, были истощены, с ранами от осколочных бомб и чесоткой на руках. Где-то сейчас эти ребятки?

Один из них, Борис Соловьёв, с наступлением вечера лез на стенку у кровати и кричал: «Бомбят!». Его укладывали и садились рядышком...

Наш народ отзывчивый, добрый. Создали для эвакуированных учеников нормальные условия: дали одежду, обувь, учебники, тёплое жильё. Техническая общежития Евдокия Коновалова к ночи готовила горячую воду, и мы распаривали руки ребят, промывали их от чесоточных зудней мылом, которое варили сами...

В вечернее время окна всех кабинетов в школе и общежитии были затемнены шторами, приготовленными учащимися из многих слоёв газетной бумаги, сажи и клейстера. Учащиеся помнили, что пламя от зажжённой спички видно за 2 км.

И вот наступил самый светлый праздник в жизни — День Победы. Всё население города и деревень собралось на митинг на Красную площадь. Сколько было радости! Не забыты были и те, кто сложили головы на полях битвы за Родину. Мать шестерых детей Безденежных бросилась ко мне на шею со слезами: «А мой-то не вернётся, он убит! Нет отца у моих детей!». Сколько скорби было на лицах моих милых учеников...

(материалы Опытнопольской восьмилетней школы, 1975 г.)

Пенал

*Моей учительнице В. Н. Селезнёвой
и брату Саше.*

Играл мальчишка у ворот, —
Черноголовый, в цыпках ноги, —
Глядит: волшебница идет
Сухой обочиной дороги.

Он поднял на нее глаза:
На деревенских не похожа, —
Мальчишка верил в чудеса,
И в джиннов, и волшебниц тоже.

Тайком он третий год мечтал:
Вдруг будут у него ботинки
И даже, может быть, пенал,
Какой он видел на картинке!

Уж чудеса — так до конца... —
Ведь в том-то волшебства и сила —
И фея в руки сорванца
Пенал тихонько положила.

Он и «спасибо» не сказал:
Зашмыгав носом часто—часто,
Оторопело прижимал
Свое неслыханное счастье.

Удивлена, поражена,
— Откуда это? — мать спросила.
— Да мне волшебница одна
Там, на дороге, подарила.

А той «волшебницей» была
Директор сельской школы дальней,
Что в этот день устало шла
С очередного совещанья.

Не близок путь. И скоро — ночь, —
Заботы — лет военных мета, —
А дома — маленькая дочь.
Нет хлеба, писем с фронта нету.

И школьных дел — не сосчитать:
Исправить надо в классах печи,
И хорошо б чернил достать! —
Уж о тетрадах нет и речи.

Несет она один пенал,
Всего один по разрядке!
Сам зав. РОНО — и тот не знал,
В каком делить его порядке.

Кому отдать? Кому? Кому?
Как ни раздумывала строго,
Решила: первому, тому,
Кого увидит по дороге...

Мне нынче видеть довелось,
Как встретились случайно двое:
Он смоль седеющих волос
Склонил пред белой головою.

Она — учительница та,
Он — тот малыш поры военной...
Жива на свете доброта:
Как жизнь сама, она нетленна!

Алевтина Петровна Зыкова.

* * *

Вспоминает **Олег Иванович Косолапов**:

Учился я тогда (1941—42 гг.) в седьмом классе первой средней школы. Военной подготовке уделялось большое внимание. Нам были выданы винтовки образца 1870 года — тяжелые, громоздкие, с толстым дулом и массивным штыком. Каждый ученик имел свое оружие, знал его номер, место в пирамиде. Мы отработывали приемы в строю, маршировали, ходили в «наступление». Военруками в школе работали офицеры, пришедшие с фронта по ранению. Летом 1943 года нас увезли в учебный лагерь. Были там и ночные тревоги и сдача норм ГТО.

В то тяжёлое время у нас, учеников, фронтом была школа, и мы старались учиться только хорошо. Осенью помогали колхозам и снова брались за учебу.

* * *

Вспоминает **Маргарита Алексеевна Карпук (Подковырина)**, в 1945 году ученица 7-а класса средней школы №2 :

То, что для вас стало историей, для нас было жизнью, и с этой жизнью нас знакомила наш классный руководитель Мария Иванова... После уроков она с нами составляла планы пионерской работы, проводила репетиции, мы читали стихи, ходили к раненым (в это время в Яранске был открыт госпиталь), помогали семьям воинов, помогали пилить дрова (больше всего запомнились именно они, так как это было трудно).

Таня Алексеева была председателем совета отряда. Лучшая ученица, наш любимый товарищ, умный, чуткий, отзывчивый, замечательный организатор. Одной из первых она вступила в комсомол. Несмотря на слабое здоровье, Таня принимала участие в трудных, иногда для её здоровья непосильных, делах. Помню, как зимой мы возили из леса на санках дрова. Пройти в лес можно было только на лыжах. Таня работала вместе с нами, сильно простыла и долго потом болела. Однако и после болезни продолжала работать. 17 мая 1947 года она умерла, вернее сказать — погибла, как гибли бойцы на фронте...

День 9 мая 1945 года был для нас самым счастливым. Трудно было представить, что не будет больше войны, что не будут приходить «похоронные». Но похоронная пришла одна из самых страш-

ных: сообщили, что погиб в Берлине сын нашей Марии Ивановны, уже после 9 мая. Мы старались помочь пережить это горе нашей любимой учительнице.

(материалы средней школы №2)

* * *

Вспоминает **Анна Михайловна Крупина**, ветеран тыла и педагогического труда.

Родилась и росла я в деревне Мильчаки Тужинского района в крестьянской семье. Мой отец Михаил Фёдорович Калинин, уходя на войну, оставил маму с четырьмя девочками. Мне, самой старшей, было в ту пору 10 лет.

Он погиб под Сталинградом. Погибли на войне и оба моих дяди... Один из них, Василий Фёдорович Калинин, был удостоен посмертно звания Героя Советского Союза. Ему установлен памятник в городе Алитус (Прибалтика) и в селе Караванном Тужинского района, на его родине.

Из нашей деревни на фронт ушло около тридцати человек, а вернулось только трое.

Тяжёлое время выпало на долю стариков, женщин и детей. Мы, подростки, работали на лошадях и быках. От восхода солнца до его заката, с перерывом на обед, пахали, боронили землю, возили навоз на поля. Обработывали каждый клочок земли, получали высокие урожаи. Сотни тонн зерна сдавали государству. Жили и работали под девизом «Всё для фронта, всё для победы!».

Я со страхом сейчас вспоминаю, как мы тогда не боялись этих рогатых, больших, страшных быков. Ведь бывало всякое: то бык с бороной с поля убежит прямо на скотный двор, то вместе с возом затащит в пруд. Этот случай произошёл со мной, и тогда я сама оказалась на волоске от смерти, и, если бы не люди, поспешившие на помощь...

Очень трудно было нам, подросткам во время сенокоса, особенно когда косили клевер, а потом таскали его на носилках к стогу. На лугах, в кочках, даже в воде, косили осоку и вытаскивали её на сухое место. Руки и ноги ныли от тяжёлой ноши.

Во время войны каждому хозяйству был доведён план: сдать определённое количество масла, яиц, мяса, сушеной картошки, —

всё это для фронта. Каждое хозяйство имело 50 соток земли, крестьяне держали много скота. И в колхозе работали без выходных. Приходилось всюду успевать. Работали за трудодни, денег не получали. На трудодни давали зерно, солому, сено.

Для того, чтобы купить школьные принадлежности, приходилось на рынке продавать молоко, масло и яйца. Война украла у нас счастливое детство. Победа в войне досталась дорогой ценой нашей доблестной армии и работников тыла. И пусть будет на земле никто не забыт и ничто не забыто.

Работа библиотеки в период Великой Отечественной войны

С момента объявления о начале войны Яранская библиотека перестроила свою работу, организовав систематическое информирование населения о решениях партии и правительства, по сообщениям Советского Инфобюро. Всю массовую работу библиотекари перенесли на призывной пункт — с мобилизованными и членами их семей, а также в ближайшие колхозы.

Был оборудован ряд помещений, где проходило информационное обслуживание мобилизованных. Оформлены фотомонтажи и доски последних известий. Систематически проводились беседы и читки, выпускались стенгазеты. Работники библиотеки дежурили на призывном пункте в Ленинском уголке, став постоянными агитаторами призывного пункта. Только за 1941 год было проведено более 100 бесед и чток перед сотнями членов семей, призванных в Красную Армию. Библиотекарь, работающий на пункте, выступал не только как чтец и агитатор, но в нужный момент мог заменить и медицинского работника, оказывая первую помощь, так как все работники библиотеки с отличием обучались в кружке гражданской обороны, прошли практику в больнице, изучали противоздушную и химическую оборону и вступили в народное ополчение.

Организованная в первые дни войны читальня на открытом воздухе обслуживала более 1000 человек в день. У здания библиотеки была оформлена доска последних известий, которую аккуратно и систематически обновляли. В читальном зале библиотекари организовали пункт коллективного радиослушания.

Изменился и состав читателей за военные годы: в библиотеку пришли женщины, осваивавшие новые профессии, эвакуирован-

Пункт коллективного радиопрослушивания.

ные из западных городов страны, студенты и профессора эвакуированного Кировского пединститута им. В.И. Ленина. И каждому из них сотрудники библиотеки старались подобрать нужную книгу.

С первого дня войны работники библиотеки проводили беседы, читки на гравийном карьере, на мелиоративном строительстве и на устройстве дорог, а также в школе ФЗО. С особым интересом слушали старейшего сотрудника Ию Дмитриевну Лубнину.

Изменились читательские интересы и запросы: большим спросом стали пользоваться книги о великих полководцах, героях гражданской войны, повысился спрос на военные мемуары и исторические романы. Особый интерес читатели проявляли к книгам К. Осипова «Суворов», Сергеева — Ценского «Севастопольская страда», Толстого «Война и мир», о Нахимове, Кутузове и т. д. Эти книги поистине передавались из рук в руки.

По всей стране проходил сбор теплой одежды для бойцов Красной Армии. Работники библиотек (городской, районной, детской) принимали активное участие, не только сдавая в Фонд обороны свои вещи и накопления, но и ведя работу среди неорганизованного населения.

Большие трудности возникали в поколении фондов: книги устаревали и ветшали, новых было очень мало, а спрос постоянно увеличивался, поскольку население за годы войны возросло за счет эвакуированных, студентов и преподавателей. За 1942–1944 гг.

поступило всего 202 книги, за 1945 г. — 292.

Не хватало изданий классиков, исторической, педагогической, философской литературы и книг по языкознанию. Спрос стал сложным, читатель пришел более требовательный, так как многие преподаватели института готовились к защите диссертаций.

Несмотря на все трудности, на нехватку топлива, библиотека в годы Великой Отечественной войны работала непрерывно. Жизнь продолжалась...

Галина Созонова,
директор ЦБС.

Цена Победы

Победа досталась нелегко. Во всём мире людские потери подсчитаны скрупулезно, и только мы по-прежнему путаемся в миллионах. В феврале 1946 года Сталин впервые назвал цифру наших потерь в войне. Цифру, не сумевшую затмить величия его «полководческого гения», не сумевшую запачкать солдатской кровью золото его генералиссимусских погон — 7 миллионов человек. Он лгал миру и своему народу. Ему доложили совсем другую цифру — 15 миллионов. Те, кто докладывали, тоже лгали — они берегли свои звёзды и лампасы.

Волосы встают дыбом: как фальсифицируется история! 1961 год — Н.С. Хрущёв в письме шведскому премьер-министру Эрландеру написал, что война «унесла два десятка миллионов жизней советских людей». Уже через четыре года Брежнев уточняет свергнутого предшественника: «свыше 20 миллионов человек».

25 лет после брежневского откровения советские историки, как марионетки, повторяли цифру, разрешённую политиком — «свыше 20 миллионов».

8 мая 1990 года М. Горбачёв называет новую цифру — 27 миллионов...

Германия за годы войны на советском фронте потеряла 6 млн. 526 тыс. человек. Англия за всю войну — 744 тыс., США — 1 млн. 761 тыс. Обратите внимание на порядок точности цифр: люди

ведь... У нас же диапазон величин в этих спорах от 27 до 50 миллионов. По мнению Волкогонова и Кваши — прямые потери нашего народа 26—27 млн., а по мнению историка Геллера — мы потеряли 46 млн.: из них 22 млн. — солдат и офицеров и 24 млн. — мирного населения.

За три месяца войны в 1941 г. было взято в плен 2 млн. 200 тыс. человек, захвачено 8 500 танков и 16 тыс. орудий. Убито за этот же период около полутора миллионов, и это при том, что численность нашей армии к началу войны на Европейской территории СССР составляла 2,9 млн. человек...

Сталин в докладе к 24-й годовщине Великой Октябрьской Социалистической революции 6 ноября 1941 года сказал: «За четыре месяца войны мы потеряли убитыми 350 тысяч и пропавшими без вести 378 тысяч». Нелишне вспомнить, что, к гордости советского полководческого искусства, в Сталинградской битве нами было окружено 330 тысяч, а взято в плен 910 тысяч солдат и офицеров.

Ещё пример: май 1942 года. Руководство Юго-Западного фронта не только проиграло наполовину выигранную Харьковскую операцию, но и потеряло там 20 дивизий — 2 млн. 300 тыс. погибших и пленённых! Что делает Сталин с В. Тимошенко и Н. Хрущёвым? — а он покрывает их, и себя заодно: «Если бы мы сообщили стране во всей полноте о той катастрофе... то, боюсь, что с вами поступили бы очень круто». (Письмо Сталина от 26 июня 1942 года). Не стали они с собой поступать «круто»... А в том же письме Сталин преступление Хрущёва и Конева называет «легкомыслием».

А катастрофа под Вязьмой, у самой Москвы: было потеряно четыре армии (663 тысячи человек)! Командовали всем этим делом маршал С. Будённый и генерал-полковник И. Конев. И что с ними случилось? А ничего.

Чрезвычайная Государственная комиссия определила ущерб, причинённый войной народному хозяйству СССР, в сумме 679 миллиардов рублей в государственных ценах 1941 года. Немецко-фашистские захватчики полностью или частично разрушили и сожгли 1 710 городов и более 70 тысяч сёл и деревень. За годы войны было разорено и разграблено 98 тысяч колхозов, 1 876 совхозов и 2 890 машинно-тракторных станций.

Ананий Веретенников.

Мне смерть не страшна

Они отмечены в календаре разными цветами: один — чёрный лист с ошестинившимися штыками и падающими бомбами, другой — красный с переливами радуг победного салюта. Они так и называются: День памяти и скорби и День Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Два дня календаря. А между ними 1 418 дней и ночей, где «под огнём, под пулями закалялось мужество и где не было содружества крепче и родней». Мы, наверное, уже правнуки войны. Как всё минувшее, чему мы не были ни свидетелями, ни участниками, та Великая война вызывает у нас не воспоминания, а мысли... Постучавшись в каждый дом, она вольно или невольно осталась в памяти каждой семьи. Каждой... И моей — семьи Стекольниковых. Где-то там, на фронтовых дорогах, навсегда остался мой прадедушка, Стекольников Павел Степанович.

Родился он в 1902 году в д. Васильево Яранского уезда. Здесь рос и учился. Ничем вроде бы не отличался от своих сверстников. Так же ловил рыбу неподалёку в речке, бегал в лес за грибами и ягодами, водил коней в ночное.

Но вот была у паренька заветная мечта — стать лётчиком. И потому, закончив на «отлично» Абрамычевскую семилетнюю школу, уехал он в Москву к дяде, где поступил в лётное училище и, закончив его, остался служить в Москве. Но уже в 1933 году по состоянию здоровья его комиссуют и он уезжает в родную деревню. Здесь знакомится с деревенской красавицей Сашей. И вот уже и свадьба не за горами... Жить бы им вместе да радоваться, но пришла война...

В первые же дни уходит мой прадедушка на фронт, попав, как потом писал, в одну из лётных частей.

Ничего не осталось от прадедушки, кроме фронтовых писем да фотографий. Даже могилы нет. Погиб при авианалёте.

Я часто смотрю на эти фотографии: передо мной рослый, стройный юноша в военной форме. Такой странный, удивительный взгляд, он буквально притягивает меня. Мудрые, строгие глаза. Что-то такое родное и до боли знакомое видишь в них.

Говорят, мой прадедушка был удивительным человеком — честным, самоотверженным, благородным. Никогда не падал духом,

жил по совести, нёс людям добро.

Вот держу в руках пожелтевшие от времени, потрёпанные листы, в которых где-то уже и слов не разобрать. Это письма. Самое дорогое, самое сокровенное. Их невозможно читать без слёз: кажется, они написаны сердцем:

«Здравствуйте! Жив ещё, но пишу это письмо в лесу на фронте. Не имею никакой надежды получить от вас ответ... Вот уже месяц прошёл, как я уехал из дома, и это время показалось мне очень долгим, потому что не могу ещё привыкнуть к необычным условиям жизни. Как мне ни тяжело, я всё перенесу, хватит ещё сил и терпения. Лично мне не страшна и смерть, но как горько вспоминать, что у меня есть два маленьких сына, они будут ждать меня домой, и от этого становится больно, обидно за судьбу свою...».

Дорогой мой человек, которого я и не знала, погиб в 1942 году под Сталинградом. Погиб, как и тысячи тысяч таких же, как он, чтобы жили мы.

Татьяна Стеколыщикова,
10 класс «А» ср. школа №3.

Эхо войны

Среди защитников нашей Родины был и мой прадедушка Русинов Михаил Фёдорович. Двенадцатое марта—день его рождения. В этом году ему могло бы исполниться девяносто пять лет. Но прадедушка навсегда останется молодым, потому что в декабре 1942 года он погиб на одном из фронтов Великой Отечественной. Каждый год в этот весенний день мы собираемся и вспоминаем прадедушку Мишу, его горести и радости, доблести и неудачи и мысленно оцениваем свой собственный путь, самих себя.

На столе разложены фронтовые письма, фотографии. Прабабушка Катя берёт в руки одну из них и тихо говорит:

— Здравствуй, Миша! Вот и снова мы собрались на твой день рождения все вместе: твои дети, внуки и правнуки, нет только тебя.

Солдаты твоего взвода писали мне с фронта в сорок втором году, что их комбат был ранен в одном из боёв под Великими Луками и направлен в госпиталь, но по дороге санитарный поезд разбомбили. Прости, любимый, что так и не разыскала твоей могилки, не поклонилась тебе. Сейчас я думаю, что, если бы не война, мы были бы очень счастливы, потому что по-настоящему любили друг друга.

Мы с мамой начинаем рассматривать семейный альбом. На первой же странице — фотография 1930 года, на которой изображён совсем юный прадедушка. Мама проводит рукой по её пожелтевшей поверхности. Губы шепчут: «Дедушка, говорят, ты был очень хорошим: смелым, сильным, добрым, справедливым. Не боялся трудностей и невзгод. Твои дети выросли очень похожими на тебя. Как они ждали твоего возвращения! Но в декабре сорок второго года пришла похоронка. Сердце отказывалось верить. Да ещё и цыганка нагадала, что ты придёшь первого мая. С тех пор каждый год накануне первого мая в доме готовились к встрече с тобой. Даже не закрывали на ночь дверь на засов.

Дети ложились спать, надеясь утром увидеть тебя, а сама бабушка, твоя любимая Катюша, вставала на колени перед иконами и молилась всю ночь. Утром, проснувшись раньше своих брата и сестры, моя мама, то есть твоя дочка Аля, долго лежала и прислушивалась, пытаясь услышать отцовские шаги, мужской голос. Но вместо этого слышала всхлипывания матери. Так и не сбылось предсказание цыганки, хотя до сих пор первое мая в нашей семье считается каким-то особенным днём».

Мама замолкает. Я наваливаюсь на мягкий валик дивана и перевожу взгляд на стену. В центре её — фотография молодого мужчины. Простое открытое лицо, высокий лоб. Густые русые волосы коротко подстрижены. Из-под тёмных бровей на меня смотрят добрые приветливые глаза со смешинкой. Улыбка обнажает белые крепкие зубы. Это ты, прадедушка Михаил. Кажется, что ты подмигиваешь мне и о чём-то спрашиваешь. Не расслышав вопроса, я говорю:

— Прадедушка, а мы братишку в честь тебя назвали Мишей. Он всем рассказывает, что, когда вырастет, будет командиром, как его прадед.

Сергей Алёхин,

5 класс Высоковской школы.

Мы помним тебя, солдат

Ушёл солдат на войну. Звали его Заев Илья Тимофеевич.

Его родина — деревня Рыжаково, Ломовского сельского Совета Яранского района. Ушёл солдат в 1941 году, а в деревне осталась жена Паля, дочь Зоя, сын Гена, «... а ещё кто, я не знаю» — так писал он.

Да, солдат не знал, кто у него родился третий. Отец так и не увидел своего сына, которого нарекли Петром. Сердце солдата рвалось домой, а война уводила его всё дальше и дальше от дома трудными военными дорогами. Пермская железная дорога — станция Кез, Московская область — станция 1604, Кабардино-Балкария...

Солдат одет в военную форму, «очень хорошо и тепло». В письме от 7 ноября 1941 года он пишет, что на фронте «устроился в транспортном взводе кузнецом». Он не пишет о трудностях и уверяет родных, что живётся ему сытно и даже весело. Весело, а война уводит всё дальше и дальше от дома.

В письме от 16 ноября 1941 года он сообщает, что подковывает лошадей («работаю, как в колхозе»). Но сердце солдата болит и тоскует о доме, поэтому он, хозяин дома, даже на расстоянии даёт наставления семье. «Я вам даю совет: поэкономнее ведите с хлебом, в общем, поберегайте, и если будет возможность, то неплохо сколько-нибудь прикупить. По части скота смотрите сами, но скота нарушать не нужно» (из письма от 16 ноября 1941 года). В письме — обращение к детям: «Не забывайте папу, папа разгромит врага и придёт домой». Но солдат не сдержал своего обещания: он не вернулся домой. Его жена, умница Паля, (Заева Павла Николаевна) и дети сохранили память о нём. Они всю жизнь ощущают его присутствие, держа в руках пожелтевшие солдатские треугольники. Они видят, как отец их шагает фронтовыми дорогами всё дальше и дальше от них: «Обо мне не тужите, я живу хорошо, одет очень тепло, получил валенки, здоровье пока хорошее» (из письма от 20 декабря 1941 года).

За этими скупыми солдатскими строками видно страшное зарево войны. Оно приближается к солдату, оно готово поглотить его, жадные языки пламени уже лизнули его. «Я ходил в бой с противником раз до 7, пока остался жив, был чуток ранен в плечо, но я не ушёл с пол ень жестокая».

В моих руках последнее письмо солдата. Он пишет: «20 дней не был в помещении. Но мы их переживём, спокойно и выдержанно. Гоним врага беспощадно с нашей территории»

Двадцать дней не были в помещении. Идёт зима, январь 1942 года. Разве это можно выдержать, вытерпеть? Это было твоё последнее письмо, солдат.

«Заев Илья Тимофеевич, 1908 года рождения, из деревни Рыжаково Ломовского сельского совета, красноармеец, стрелок, 46-й отдельной стрелковой бригады, 19.09.1942 года погиб в бою. Захо-

ронен в деревне Верхний Курн Кабардино-Балкарской республики» (из Книги Памяти).

Елена Шерстобитова,
8 класс Ломовской школы.

Марухский Суворов

Владимир Александрович Смирнов родился 14 мая 1907 года в семье крестьянина в деревне Рутки Яранского уезда. В 1926 году окончил Яранскую среднюю школу № 1.

С 1929 года начал службу в армии, посвятив этому всю свою жизнь. Война застала его в штабе Закавказского фронта.

Летом 1942 года немецкое командование бросило свои армии к Черноморскому побережью, стремясь захватить Закавказье, что давало бы возможность Германии овладеть нашей нефтью. В горах Кавказа действовал специально обученный, снабжённый альпинистским снаряжением, хорошо вооружённый горнострелковый корпус. Враг сумел овладеть основными высотами и их нужно было во что бы то ни стало вернуть.

810 стрелковый полк, которым командовал Владимир Александрович, держал оборону Марухского перевала. Немцы с высоты как на ладони видели все действия наших боевых подразделений.

Личным примером Смирнов показывал бесстрашие и мужество. В одном из первых боёв за перевал он был ранен, но остался в строю, осознавая, что нельзя ему покидать поле боя в столь тяжёлое время.

Его полк практически был окружен. После нескольких попыток пробиться по доступным местам Смирнов принял решение брать высоту и удерживать её до прихода подкрепления. Операция проводилась ночью, со стороны, где немцы не ждали русских солдат, считая эти склоны неприступными.

В полночь бойцов ещё раз предупредили о соблюдении интервала между ними в 1,5–2 метра и о том, что если кто-то сорвётся — умирать молча, чтобы не выдать остальных. Пальцы

коченели, и солдаты с трудом карабкались по ледяным скалам.

В метрах тридцати от расположения противника случилась беда: один из бойцов сорвался, и, хотя он не проронил ни слова, их выдала лавина камней, которая пошла вслед за человеком. Немцы пустили осветительные ракеты, застрочили автоматы и пулемёты. Наши бойцы открыли ответный огонь и стали забрасывать фашистов гранатами. И они сумели взять высоту!

Солдаты 810 полка, вспоминая эти события, говорили о том, что выжили тогда только потому, что командир у них был отличный. Замечательный человек — честный и храбрый, он любил и шутить, и петь. Владимир Александрович придавал большое значение дружбе, взаимовыручке товарищей, как Суворов. Он хорошо знал своих солдат и офицеров, по возможности берёг их. Его солдаты были как родные братья.

После войны В.А. Смирнов окончил академию Генерального штаба и работал в ней преподавателем.

Умер в 1969 году. По завещанию, прах его был доставлен в Яранск и захоронен на городском кладбище. На могильной плите высечено: «Отец, я выполнил твой наказ — любить солдата».

**Наталья Комарова,
Юлия Стекольщикова,**
ученицы 10 класса средней школы № 1.

Записки моей ровесницы

Война... Как много повестей, стихов, песен посвящено этой теме! Невольно вспоминаются имена К. Симонова, В. Астафьева, Ю. Друниной, Б. Васильева. Я прочла немало книг о войне, запомнила имена их героев. Все события переживала вместе с ними, плакала, реже улыбалась. Во многих произведениях война показана слишком жестокой. Может быть, она и была такой на самом деле? Мы не можем однозначно судить о войне, потому что не видели её своими глазами.

Мне иногда хочется представить себя на месте семнадцатилетних девушек, только что закончивших школу и ошарашенных ужасным известием о вторжении фашистов на территорию нашей страны. Хочется пережить их чувства, понять их психологию, уз-

нать, почему они поступали так, а не иначе.

Я решила мысленно перенестись в те далёкие годы и стать одной из них.

Дневник Лизы

Январь 1943 года.

Сегодня привезли новых раненых. Очень трудные случаи, но врачи держатся так, будто ничего особенного не происходит. Мне пока не доверяют быть ассистентом хирурга во время операций, но я всё равно своего добьюсь. Образования не хватает. Те два месяца, что я провела на курсах медсестёр, дали лишь теоретические знания. Но двухлетний опыт... Сначала наша часть располагалась вне зоны военных действий, поэтому раненых было немного. Я даже успевала работать журналисткой в местной газете, писала о том, как люди в тылу отдают последние силы для фронта, для победы.

Теперь о газете пришлось забыть. Некогда. Враг уже у Сталинграда. И эшелоны с ранеными бойцами идут днём и ночью. Время пролетает в перевязках, в размещении вновь поступивших. Теряем сутки в попытках достать медикаменты. Выздоровливающие просят написать их жёнам, сёстрам, матерям. И я пишу, пусть не всем, но хоть кому-то принесу радость, что их близкие живы. Раненые постоянно хотят пить, а воду найти сложно даже для операций. Приходится взрослых мужчин уговаривать, как маленьких, потерпеть.

Не знаю, почему не пошла на фронт. Может быть, меня бы уже давно убили и мне бы не пришлось видеть муки обречённых. Я никак не могла подумать, что это так тяжело — быть врачом.

Июнь 1943 года.

Я впервые ассистировала хирургу! А однажды врача не было и я сама делала ампутацию руки молодому солдату. На первый взгляд, это очень просто (по крайней мере, мне так казалось).

Ничего подобного. Было страшно, что человек умрёт по твоей вине... Но всё обошлось. Рана быстро затянулась. Мне, конечно, досталось от врача за самодеятельность, но с тех пор меня заменили и теперь доверяют, даже сложные случаи. Наверное, это всё-таки моё призвание — медицина. В далёком сорок первом я мечтала поступить в мединститут, стать хирургом или детским врачом. Но война, хотя и помешала мечтам, решила всё за меня. Она определила мой путь. Сейчас я даже не могу представить себя детским врачом, так не привыкла работать с малышами. Мои пациен-

ты — солдаты, воины, но их болезни намного опаснее детских. У кого-то — ранение в голову, у кого-то — в плечо, совсем рядом с сердцем. Но любовь к жизни, небывалое чувство долга перед страной заставляют людей переносить боль и отчаяние. За долгие годы каждый из них потерял не одного товарища. Как жить с таким грузом на душе, особенно если товарищ собою защищал тебя? А у многих дома, далеко, голодные дети. А может быть, уже не дома, а где-нибудь в плену у немцев. Вот почему они так просят посылать письма родным. Но я этим уже давно не занималась. Своим последнее письмо ушло два месяца назад, и ответа нет. Как они там?

Да, сейчас намного теплее, чем зимой. В конце февраля я сама была пациенткой доктора, болела воспалением лёгких, потому что не хватало одежды. Но я боролась с болезнью, мне просто нельзя было умереть. В военное время это недопустимо. Кто займётся ранеными?

Больше не хочу на фронт. На войне нет никакой романтики. Какая может быть романтика, когда тысячи людей каждый день гибнут в бою, когда помочь им уже нельзя! Это мальчишки мечтают героически погибнуть, но, как только они попадают на поля сражений, надежды на славу и вечную память теряют смысл. Главное — жить и бороться. А смертью ты никому не поможешь, только врагу.

Декабрь 1943 года.

Совсем недавно к нам приезжали артисты! После их выступления в госпитале поселился особый дух, дух единства. Способные передвигаться раненые приносили еду другим, читали им книги вслух, сочиняли хором письма родственникам. Кто-то пел песни, декламировал стихи. И никто не сдавался! Пока в нашей стране звучат стихи Есенина, Тютчева, Пушкина, Лермонтова, пока льются песни о Родине, доме, любимых, — мы живём, живёт Россия!

Война скоро кончится, обязательно кончится. И всё будет хорошо... А мне сегодня двадцать лет. Не верится, что дожила. У меня в подчинении находятся солдаты, которые гораздо старше меня. А кто-то и молод, но уже седой и с потускневшими глазами. Как война меняет людей! И я изменилась. Исчезли страх и жалость, я превратилась в машину по отрезанию кусков человеческого тела. Хотя нет, страх остался. Мне становится очень страшно, когда я вижу улыбку одного раненого офицера. Неужели это любовь? Я думала, на войне нет места для этого чувства. Может быть, он возьмёт меня с собой на фронт? И я пойду, пойду за ним хоть на край света!»

Так и случилось. Лиза узнала, что такое окопы, грязь, портянки и сапоги, операции в антисанитарных условиях. Ей удалось спасти многих, но не себя. В сорок четвёртом она погибла, так и не дождавшись Победы...

Лидия Щеглова,
11 класс средней школы №2.

Война отнимает жизнь, но память отнять нельзя

Два года назад мой старший брат Лёша готовился к выступлению на митинге 9 Мая. Ему помогали бабушка Зоя и мама. Они читали какие-то письма и говорили о наших родственниках, воевавших на фронтах Великой Отечественной. И я попросил маму показать мне письма, которые они читали с братом, и рассказать о них. Так я узнал, что все мои четыре прадеда были участниками Великой Отечественной войны. Бочкарёв Михаил Васильевич и Лебедев Дмитрий Михайлович вернулись домой, а у Першина Фёдора Ивановича и Дождикова Василия Алексеевича война отняла жизни.

Василий Алексеевич был связистом, погиб под городом Псковом в 1942 году. Он тянул связь и подорвался на mine. Как потом рассказывал его однополчанин, рвануло так, что от человека ничего не осталось... Его жена Евдокия Павловна осталась с тремя детьми и всех подняла на ноги.

В военной судьбе и гибели моего прадеда Першина Фёдора Ивановича до сих пор остаётся много неясного, хотя его жена Прасковья Григорьевна, невестка Зоя Дмитриевна и внучка Лена в разное время пытались найти ответы на поставленные войной вопросы.

В похоронке, которую получила Прасковья Григорьевна, было написано, что её муж, Першин Фёдор Иванович, погиб в концентрационном лагере 3 марта 1943 года. В тот день, когда прабабушка получила эту весть, она поседела. Моя мама говорит, что такой седины она никогда и ни у кого не видела. Мама вспоминает слова из песни: «Стали волосы смертельной белизны. Видно, много белой краски у войны...» . До этого у бабы Пани были густые тёмные

волосы, густыми они и остались, но стали белые-белые, до одного волоска. Для неё это известие было очень тяжёлым.

Прасковья Григорьевна была красивая женщина, и несколько раз после войны ей предлагали выйти замуж, но она осталась верна своему Фёдору. Из д. Дубовской Санчурского района её с детьми после похоронки забрал отец, Григорий Лукоянович, в деревню Машарань Оршанского района, откуда она была родом.

А после войны бабушка Паня получила письмо с Украины, из села Калиново Донецкой области. Украинская женщина, называвшая себя «баба Катря», писала, что она в августе 1943 года похоронила Першина Федора Ивановича на Калиновском сельском кладбище. Она его подобрала тяжело раненного и несколько дней выхаживала, но он умер. Он успел ей рассказать о своей семье и попросил написать после его смерти письмо жене Прасковье. Баба Катря выполнила просьбу солдата. Может быть, это письмо хоть сколько-то успокоило боль бабы Пани, ведь теперь она знала, где и как погиб её муж и что есть его могила. Письмо бабы Катри Прасковья Григорьевна отнесла в Оршанский военкомат, для того, чтобы выяснить, что на самом деле произошло с Фёдором Ивановичем. Но в военкомате письмо потеряли и ничего не выяснили.

Прошло время. В 1985 году уже Зоя Дмитриевна и её дочь Лена написали письмо пионерам школы №1 села Калиново. Они просили школьников узнать о судьбе Фёдора Ивановича Першина. Из Калинова пришёл ответ: «Здравствуйте! Пишет Вам незнакомая женщина села Калиново. Я работаю в селе Калиново в почтовом отделении 35 начальником. Получили письмо, которое адресовано в среднюю школу №1. Я заинтересовалась этим письмом, просто мне предсказало какое-то предчувствие. Школы №1 у нас в селе нет, мы письмо вскрыли вместе с директором школы №45 и прочли его (раньше у нас, то есть до войны, школа называлась №1, а теперь №45). Я коренная жительница этого села и эту бабу Катрю знала претотлично. Это была большая, бесстрашная женщина. Мне в ту пору войны было где-то лет восемь... Вот что нам удалось выяснить: в тот роковой день здесь в селе была бомбёжка и перестрелка. Наши войска освободили Калиново и вошли в город Макеевку, но кто-то, видно, из шпионов, пустил панику, что советские войска отступают, и жители Макеевки бросились в Калиново, то есть в тыл к своим. В это время летал самолёт «рама», и через несколько минут началось страшное, чего и вспоминать не хочется.

Началась бомбёжка, всё смешалось: земля, люди. В это время баба Катря бежала тоже прятаться со своими соседями. Вот тут и заметили раненого бойца, который лежал в речке весь окровавленный, вода тоже была красной от крови. Он стонал и просил: «Помогите, помогите». Баба Катря возвратилась, вытащила его из речки и занесла его в свою хату. Она за ним ухаживала, но через четыре дня он умер на её руках... Его хоронили баба Катря с бабой Оксаной у нас на кладбище... После войны всех погибших солдат перенесли в братскую могилу и поставили памятник...

Вот это всё, что нам удалось выяснить. Если что Вам неясно, пишите, приезжайте, у нас есть в Макеевке большая гостиница, можно будет остановиться в ней, а если нет, то у кого-нибудь из нас переживёте.

Вот и всё. Пишите, будем отвечать вам. Валентина Николаевна Абрамова».

Мы не знаем, почему в документах отмечена дата 3 марта 1943 года и концентрационный лагерь. Может быть, прадед был в плену, но бежал оттуда, возможно, воевал в партизанах или в действующей армии до августа 1943 года, когда был тяжело ранен в бою и вскоре умер от ран на руках бабы Катри. Со временем я попытаюсь найти ответы на вопросы, которые оставила война нашей семье. Я очень хочу съездить на Украину в город Макеевку, пригородом которого стало село Калиново, побывать на могиле прадеда и, может быть, что-то узнать о нём.

Я благодарен своему прадеду Фёдору Ивановичу за то, что он освобождал свою Родину от врагов. Я пытаюсь представить, как тяжело было ему умирать в 36 лет на чужой стороне, вдали от родных людей.

Я благодарен своей прабабушке. Она прожила долгую, хорошую жизнь (умерла в 1995 году), воспитала троих детей, в том числе моего деда Василия Фёдоровича.

Я благодарен бабе Катре за то, что она под пулями тащила тяжело раненого бойца, ухаживала за ним, похоронила и написала обо всём его жене. Когда баба Катря спасала солдата, она не знала, где немцы, где наши. Если бы в село пришли немцы, её могли расстрелять вместе с советским солдатом. Она могла бы, как все, пробежать мимо и не оказать никакой помощи.

Я благодарен Валентине Николаевне Абрамовой за то, что она помогла в поиске моим бабушке и маме и пригласила приехать в гости.

А я, Дождиков Александр, сын Сергея Васильевича и Елены Васильевны Дождиковых, внук Василия Фёдоровича и Зои Дмитриевны Першиных, правнук Фёдора Ивановича и Прасковьи Григорьевны Першиных, вырасту и, может быть, раскрою одну маленькую тайну той большой войны.

Александр Дождиков,
6 класс средней школы №2.

Ах, война, что ж ты, подлая, сделала...

В нашей семье к войне отношение особое. До недавнего времени мы не знали всех подробностей той трагедии, которая произошла 60 лет назад в семье моих прадедушки и прабабушки, Гребневых Александра Григорьевича и Елизаветы Васильевны.

В этом году мой дедушка, Гребнев Вячеслав Александрович, рассказал нам о существовании документов и фронтовых писем его отца. Они попали к нему после смерти его матери, Лежжиной Елизаветы Васильевны, и дедушка несколько лет хранил это в тайне.

Узнав, что есть такие письма, в нашей семье все были поражены. Всем хотелось поскорее их увидеть и узнать, о чём писал родной нам человек. Они хранились более 60 лет. Мы рассматривали старую фотографию прадеда, читали письма — знакомились с Гребневым Александром Григорьевичем. Мы поняли, что мой прадед был хорошим человеком, он любил свою семью, заботился о ней даже будучи на фронте, понимал, что родным живётся нелегко, любил Родину и жизнь. На его долю выпали тяжёлые физические и душевные страдания, но он пытался преодолеть их. Он жил так, как считал правильным.

Гребнев Александр Григорьевич родился в 1919 году. Жил в деревне Липовцы Салобелякского района. Женился на Елизавете Васильевне. У них родились трое сыновей: Юрий, Слава и Валерий. В 22 года в 1941-м мой прадед ушёл воевать.

Вот какие письма он писал домой:

«Здравствуйте, моя дорогая, любимая жена Елизавета Васильевна. Разрешите Вам передать мой чистосердечный привет. Передаю привет маме, моему любимому сыну Юрику... До свидания. Целую Вас, жена Лизонька» (15.06.44 г).

«Лиза, я тебе напоминаю, не забудь получить хлеб из Б-Яморс-

кого колхоза. Хлеб там из весны — мои трудодни, а сейчас не получай, получи весной, когда не будет... Живите хорошо, советно» (31.08.42 г.).

«Жена Лиза, почему так получается, что нет от Вас писем. Мне же очень хочется знать о вашей жизни и каково вообще в вашей семье здоровье» (15.07.44г).

«Как, Юра, твоё здоровье, как у мамы и бабушки, твоих братишек? Живи, Юра, жди меня домой, тогда я уже вам буду помогать в вашей жизни» (без даты).

«Но вы скажите, что я могу сделать, чем я могу вам помочь?» (без даты).

«Успехи наши очень хорошие, каждый день все мы продвигаемся вперед. Фрицы от нас бегут» (15.07.44г).

«Разве не охота моей маме пожить со мной после войны? Она что думает, раз сын ушёл — значит, всё, он не придёт? Нет, это неверно. Я приду и буду с вами жить после войны» (27.08.43 г).

«Война скоро закончится, и будем дома живы и здоровы» (15.07.44 г).

Александр Григорьевич прошёл всю войну. А в мае 1945 года его жена получила письмо из Австрии от Малахова Михаила Васильевича: «Я хочу сообщить про Сашу. Он с нашей части выбыл по болезни» (8.05.45 г).

А потом письмо пришло от Александра Григорьевича, но написанное не им: «Вам, наверное, известно о моём здоровье, каким я остался инвалидом от Отечественной войны, вот уже сравнялось одиннадцать месяцев, как я не вижу чистого света. Зрение у меня 5%, а 95% нет. Так что остался на всю жизнь слепым. В настоящее время нахожусь в Ростове... в школе слепых. Учимся играть на баянах... А через год уже буду играть, можно будет петь и танцевать... Летом, в июне месяце, я приеду домой» (10.12.45 г).

Но прадедушка не приехал. Пришло письмо, в котором от его имени сообщалось, что он женился, просил о нём не беспокоиться.

В 1949 году жена Елизавета Васильевна получила известие о смерти Гребнева Александра Григорьевича по причине перелома костей черепа. Потом выяснилось: прадедушка выпал из окна больницы...

Наверное, мой прадедушка просто не хотел быть обузой для своей семьи. Кроме слепоты, у него были сильные головные и грудные боли. Ранение или контузия, видимо, были очень тяжёлыми.

Вот о какой трагедии рассказали солдатские письма. Мы будем

хранить их и беречь память о моём прадеде Гребневe Александре Григорьевиче.

Анна Киселёва,
9 класс Высоковской основной школы.

Война в мой семье

Война есть противное человеческому естеству состояние.

Лев Толстой

Мой дед был участником трех войн: Финской, Великой Отечественной и войны с Японией. Был дважды ранен. Первое ранение получил в боях за оборону Ленинграда. Это была долина смерти, где простреливался каждый квадратный метр. Пуля могла попасть ему прямо в сердце. В гимнастёрке, на счастье, находилась бабушкина иконка, поэтому пуля прошла выше сердца, прострелив легкое. Дедушка истекал кровью, но его спас друг, вытащил с поля боя на плащ-палатке и доставил в ближайший полевой госпиталь, а сам — снова в бой. После войны дедушка его разыскивал, но найти не смог.

После госпиталя — снова в бой. На этот раз — Сталинградская битва. И надо было хоть умереть, но остановить вражескую силу. Шли жестокие бои. Бабушка рассказывала, что, когда схватки с врагом были ожесточенные, заря на западе была ярко-красная, как будто небо было залито кровью. От такого зрелища внутри все холодело.

А письма с фронта шли теплые, нежные, вселяющие надежду на встречу. Мой дедушка очень хорошо пел, особенно любил песню «Темная ночь».

«Верю в тебя — дорогую подругу мою,
Эта вера от пули меня
Темной ночью хранила...»

— писал он моей бабушке.

Каждый солдат мечтал разгромить врага в его собственном логове, а это значит — дойти до Берлина.

Когда война шла к завершению, дедушкину часть направили на Дальний Восток. В День Победы он был на границе с Японией. Домой вернулся лишь в ноябре сорок пятого года. Многочисленные награды свидетельствуют о его героизме и мужестве.

Бессмертен подвиг тех, кто боролся и победил фашизм!

Ирина Кропачева,
9 класс средней школы № 1.

Мой дед воевал за Россию

Посвящается Городилову Василию Семеновичу.

Мой дед воевал за Россию,
За нашу большую страну.
И ранен он был в 43-м,
В тяжелом, неравном бою...
Весной 45-го года, когда отгремела война,
Спешили солдаты с походов,
Но всех не вернула она.
Жестокая, злая пучина...
Кровавые реки текли...
Убитого мужа иль сына
Зови уж теперь, не зови.
Березы России трепещут
Над скорбной могилой ребят,
А губы родителей шепчут:
«Вернись, дорогой наш солдат».
Прошло много лет, и солдаты, —
Все те, кто остались в живых,
На праздник спешат, на парады,
И помнят о днях боевых.
Спасибо Вам, милые люди,
За то, что Россию спасли,
За то, что себя не жалели,
Свободу стране принесли.

Татьяна Суслопарова,
9 класс средней школы № 1.

* * *

Из писем Токтаева Поликарпа Ивановича о первом бое 17 августа 1941 года:

«Испытать пришлось много чего за пять дней, даже больше, чем испытал в Финляндии за два месяца. Много писать не следует, если вернусь домой, буду рассказывать, так 20 человек будут сидеть возле меня и плакать».

От 4 ноября 1941 года:

«Добрый день. Здравствуй, папаша и мамаша, дорогая жена Мотя, любимые мои детки Агнеша и Борис. Во первых строках своего письма разрешите вам передать пламенный привет. Живу я пока что ничего и здоров, но дальнейшее неизвестно, буду жить или нет. Думаю, что живым остаться трудно».

Татьяна Токтаева,

8 класс Кугальской средней школы.

* * *

Я хочу написать о своей прабабушке, Павле Николаевне Шаровой, которая 17 лет трудилась в Михайловской МТС осенью на тракторе, в уборочную на комбайне. Прабабушка была весёлая и общительная, её любили и уважали. За два года до войны она вышла замуж, а через год родился сын. Жить бы да жить...

В 1942 году муж ушёл на фронт. В последней весточке ему сообщили о том, что у него родилась дочь. Неизвестно, получил ли он её. Мой прадед пропал без вести. Прабабушка осталась вдовой в 26 лет.

Всю войну прабабушка проработала на тракторе и комбайне, от трудностей не пряталась, на судьбу не жаловалась, не в её это характере.

Прабабушка умерла, когда мне было три года. Я её почти не помню, и некому рассказать мне о тех страшных годах...

Дарья Кабанова,

7 класс средней школы №3.

* * *

Прадедушка Василий воевал на Ленинградском фронте. Он погиб через три месяца после прибытия на фронт, в январе 1942 года.

На том участке фронта, где воевал его батальон, было активное наступление немецких солдат. Фашисты окружили Ленинград и хотели захватить его, но им не удалось этого сделать потому, что батальон прадедушки мужественно отстаивал город.

Анна Новосёлова,
7 класс Кугушергской средней школы.

* * *

О прадеде Иване Спиридоновиче Серебрякове.

Он уже мечтал о возвращении домой, о встрече с близкими и дорогими ему людьми, но началась война с Японией. Я не могу себе представить, что творилось в душе прадедушки, когда состав с солдатами с запада на восток следовал через станцию Котельнич — оттуда было рукой подать до родного дома. Наверное, сердце бойца сжималось от боли и тоски: увидит ли он когда-нибудь родные места или ему придётся погибнуть, защищая восточные рубежи России?

О прадеде Николае Кузьмиче Нестерове.

Николай Кузьмич был горд тем, что у него два сына. Он привёз младшего Николая из роддома и ушёл добровольцем на фронт.

Из письма сестре жены Галине Петровне Титовой:

«Галя, ты меня упрекаешь, что не посоветовался с вами и оставил Аню с детьми в Улан-Удэ. Но вы прекрасно знаете, сейчас время военное, каждая минута дорого стоит. Кстати, получил от Ани письмо. Она пишет, что Вова постоянно спрашивает, где папа. Будут сильные бои. Жив буду — напишу.

28 декабря 1942 года».

Два месяца спустя к прабабушке пришла знакомая, которая получила письмо с фронта от своего мужа, служившего в одной части с Николаем Кузьмичом. В глазах поплыли строчки: «Передайте Ане, что Николай погиб. Я видел, как это случилось». Шёл февраль 1943 года.

Анна Сырчина,
8 класс Никольской средней школы.

* * *

Дед мой выдержал все трудности и испытания, живым вернулся домой. Он умер в 1993 году, когда мне было шесть месяцев. Как

мало я знаю о своём деде! Как мне сейчас нужны его рассказы, как расспросила б я его обо всём!

Татьяна Ваганова,
5 класс средней школы №3.

* * *

Не хватало еды, ели мёрзлую картошку, хлеб пекли с травяными добавками. За все годы войны караваи из чистой муки не пекли, потому что всё отправляли на фронт, в том числе и муку. Никто не интересовался: что кушают колхозники? Фронту нужны были полушубки из овчины, тёплые валенки, шубные рукавицы, шапки-ушанки. О себе в то время мало думали, ведь все ждали победу и верили в неё. А значит, можно и потерпеть.

Любовь Тараткина,
10 класс средней школы №2.

* * *

Мирная и сытая жизнь ушла в прошлое. Хлеба не хватало, так как всё выращенное нужно было сдавать государству, отправлять на фронт. Чтобы как-то прокормиться, дети в летнее время собирали траву: песты, ползуны, конский щавель, лебеду. После сушки траву толкли, получали травяную муку. Добавляли картошку, если была, и пекли хлеб, который на вкус был горьким. Но все равно ели, ведь голодным и работать не сможешь. Весной по полям собирали мерзлую картошку, сушили и также добавляли в хлеб; когда появлялись первые свекольные листья, их съедали сразу же. При уборке клеверных зародов на земле оставался клеверный пыж, его собирали, разбавляли водой и ели.

Алексей Лапенков,
8 класс средней школы №2.

* * *

Шестьдесят лет прошло со дня окончания Великой Отечественной войны. Но сколько бы ни минуло лет, не потускнеет, не сотрётся в памяти благодарного человечества совершенный нашим народом подвиг. Вновь и вновь перечитываем мы книги о войне. И нас не оставляет чувство причастности к этой великой странице в жизни народа, к его Победе, вернувшей людям мирное небо, беречь

которое теперь — наша святая обязанность, наш человеческий и гражданский долг.

Екатерина Зайцева,
10 класс средней школы № 1.

Первая медаль («За оборону Ленинграда»)

*посвящается моему деду
А.П. Рыбину, старшине первой
статьи крейсера «Максим Горький»*

Мой дед — краснофлотец
Ушёл на войну
В годину сурового горя,
И было всего восемнадцать ему.

Жаль, юность закончилась скоро.
Надолго, надев
Матросский бушлат,
Уплыл он в Балтийское море.

Приказ: «Защищать
Дорогой Ленинград!»
Получен на крейсере
Вскоре.

Матросы геройски
Пускали снаряды,

И гибли отважно
Товарищи рядом,

И падали, руки
Взметнув на Неву,
За наш Ленинград,
За родную страну.

Проходят дни, бегут года,
Но в памяти всегда: блокада,
Бои, товарищи-друзья
И эта первая медаль
«За оборону Ленинграда».

Александр Рыбин,
*10 класс средней школы № 1,
2001 г.*

История боевой награды

В канун 60-летия Победы в Великой Отечественной войне Яранская детская библиотека провела в районе творческий конкурс «История боевой награды». В своих работах дети пытались рассказать правду о войне, ее бойцах, их подвигах. Память о тех днях, месяцах, годах не стерлась и не исчезла из сознания миллионов людей — тех, кто воевал, дожил до Победы и живет сейчас, и тех, кто знает о той страшной войне от своих родных, близких, знакомых.

«Хочу рассказать о нашем земляке-фронтовике Голчине Анатолии Васильевиче», — начинает свое сочинение Аня Толмачева. — Он родился 21 июля 1925 года в деревне Голчино Кугушергского сельсовета. После окончания семилетки работал бригадиром в колхозе. Когда ему исполнилось 18 лет, его направили учиться на связиста в Орджоникидзенское военное училище, а

Голчин А.В.

потом — на фронт в воздушно-десантные войска. За мужество и героизм при форсировании реки Свирь рядовой связист Голчин А.В. был награжден медалью «За отвагу» (№ 2617179) — наградой, которая была в особом почете у фронтовиков. А произошло это так. Был июнь 1944 года. Под сильным огнем противника с другого берега быстропроходной, шириной до 600 метров, реки наши бойцы стали готовить штурмовые мостики и плоты, собирали плавсредства. И вот поступил приказ о переправе. Справа и слева рвались снаряды, были и прямые попадания в плоты. Многие бойцы оказались в воде. Многие погибли. Рядовой связист Голчин в числе первых переправился на другой берег и установил связь между штабом полка и переправившимися на плацдарм бойцами. Прорвав оборону противника, трое суток гнали они фашистов с финнами до линии Манергейма.

Вторую медаль «За отвагу» (№ 3221803) А.В. Голчин получил за участие в освобождении столицы Австрии Вены. В конце войны в одном из боев был ранен и 1 мая 1946 года демобилизован. Из госпиталя вернулся в родные края и снова начал работать в колхозе».

С чувством уважения и гордости рассказывает о своем прадедушке Александр Лобанов: «Мой прадедушка Алтышев Василий Кузьмич пошел на фронт 26 июля 1941 года. Его сразу взяли в разведку. Часами, затаившись, приходилось лежать на нейтральной

Алтышев В.К.

полосе и зорко наблюдать за передним краем фашистской обороны. Василий хорошо знал топографическую карту, и его взвод был «глазами» и «ушами» артиллерийского полка № 1013. Однажды группе было дано задание разведать систему огня врага и взять «языка», уточнить расположение дзотов. Разведчики во главе с моим дедом пробрались к переднему краю обороны противника, сняли часовых, взяли «языка» и передали на передовую. Но уйти не успели: начался бой. 1 февраля 1944 ефрейтор Алтышев был тяжело ранен осколком в левую ногу. После боя его отправили в госпиталь. Там 9 февраля 1944 года ему вручили медаль «За отвагу». А 9 августа 1944 года моему прадедушке ампутировали левую ногу, и он был отправлен домой. Смелость, хладнокровие, беспо-

щадность к фашистским захватчикам — вот качества героя—разведчика, каким был и мой прадедушка».

Прадеда Марины Савельевой звали Волков Дмитрий Васильевич. Родился он в 1900 году в деревне Винокурово Ланцевского сельского совета. Вот что девочка рассказала о нем: «Перед уходом на фронт дедушкина мама пришила иконку к его костюму, чтобы она оберегала сына на войне. С февраля 1942 года по май 1945 года прадед воевал в составе 286 минометного полка. Фашисты почти полностью уничтожили полк, а ему повезло — остал-

Волков Д.В.

ся жив. Когда шел бой, прадед побежал по полю к другой траншее, к орудию и вдруг увидел низко летевший вражеский самолет. На его счастье, рядом стояла одинокая береза, и прадед Дмитрий спрятался за нее. Фашист пролетел совсем близко, они даже видели друг друга. Пока самолет разворачивался, прадед успел добежать до траншеи и спрятаться. Затем он увидел, как фашист стал стрелять в эту одинокую березу. Вот так прадедушка обманул фашистского летчика».

Полон горечи и сочувствия к родному человеку рассказ-сочинение Юлии Куц: «Мой прадедушка, Куц Степан Ильич, воевал на Балтийском фронте. В одном из боев его очень тяжело ранило и контузило. Прадедушку отправили в госпиталь в Ленинград. Там ему раненую ногу отняли выше колена. Он лежал в госпитале в блокадном Ленинграде полуголодный и полуживой. Как раз в это время, зимой, Красной армией была проложена дорога по льду Ладожского озера, которую назвали «дорогой жизни». По ней в город завозили продукты и вывозили из города ослабевших и раненых. Вот по этой дороге и вывезли дедушку из Ленинграда. Попал он в госпиталь в Кировской области, а потом и в больницу города Яранска.

Куц С.И.

У моего дедушки много медалей и других боевых наград».

Фронтovou путь ветерана Великой Отечественной войны Чере-

панова Геннадия Михайловича был нелегким, но славным — считает Катя Кренева. Вот она и решила рассказать именно о нем, о своем земляке. «Геннадий Михайлович отправился на войну, когда ему не исполнилось и восемнадцати. Смолоду он был могутным да здоровым. Не зря же, наверное, с первых дней попал в зенитно-артиллерийский полк, сначала курсантом, а потом бойцом и командиром отделения крупнокалиберных пулеметов. Через степи и реки с боями прошел он пол-Европы, побывав на Украине и в Румынии, в Югославии и Венгрии. Если рассказать обо всех его фронтовых дорогах и эпизодах, не хватит и тетрадного листа. Форсирование Днепра, жесточайшая Корсунь-Шевченковская, Яско-Кишиневская и другие операции, Днестр, Дунай. А сколько безымянных мест и городов, хуторов и поселков! Хорошо запомнилось ему, как удалось в роли зенитчика сбить два фашистских самолета. За это

Черепанов Г.М.

его наградили медалью «За отвагу» (№ 2503321). Памятны ожесточенные бои на венгерской земле, когда уже заканчивалась война. Он и сам дивится, как ему повезло, что за все эти годы его ни разу не ранило, ни дня не было не только в госпитале, а даже в медсанбате. Лишь однажды, в последнем сражении, разрывная пуля, искромсав рукав фуфайки, слегка задела руку, но все обошлось обыкновенной перевязкой. Зато город был взят. Домой, в родное Высоково, Геннадий Михайлович вернулся в 1947 году».

А Тане Смирновой захотелось рассказать о Ёлкине Венедиме Ивановиче, который прошел всю войну. Ветеран вспоминает: «Я служил на Камчатке, где война не так сильно проявлялась. Но когда немецкая армия дошла до Сталинграда, мы считали, что на Камчатку высадится японский десант. Готовясь к этому нападению, мы распределили огневые точки, расставили оружие. Конюшни, казармы — все строилось в земле, и для этого требовались бревна. Их сплавляли по рекам, по болотам не лошади, а сами солдаты, находясь по горло в воде. В устье реки Большой, на западном побережье Камчатки, делали небольшие укрепрайоны. Оставалось только ждать. Немецкая армия проиграла сражение под Сталинградом, и японцы, узнав об этом, трусили. Затем последовало освобождение северной группы Курильских островов. От нашего батальона оста-

лось 58 человек, мы шли в два эшелона, я был во втором. Сначала мы освободили остров Сумусю, затем острова Парумушир и Мукатан, двигались дальше по Охотскому морю, снимали японские посты». За участие в этой операции Венедим Иванович награжден медалью «За победу над Японией» (№ 351797) и получил благодарность Сталина. Война не смогла сломить его характер. Он по-прежнему добрый, отзывчивый, ласковый и заботливый. Со временем он не утратил мужества и, несмотря на слабое здоровье, закаляет себя ежедневными прогулками».

Ёлкин В.И.

С каким волнением и трепетом читаешь сочинения ребят! Соприкоснувшись с живой памятью, современные школьники сумели открыть для себя еще одну страницу истории.

Алевтина Галактионова,
заведующая Яранской детской библиотекой.

Вахта Памяти

Думая о войне, о беспощадной ее жестокости, о неизбывном горе, которые принес нам фашизм, нельзя не поставить ей в вину, что унесла она многих и многих — безвинных, безгрешных... Проходят годы, а русские солдаты, отдавшие жизнь за Отчизну, забытые людьми и Родиной, лежат не погребенные в стрелковых ячейках, траншеях и воронках там, где застала их вражеская пуля или осколок. Они погибли, но умирали они с чувством выполненного долга перед матерями, сыновьями, Родиной.

Так же и каждый человек должен глубоко осознать свой долг.

20 февраля 2003 года в нашей школе состоялось знаменательное событие — был открыт военно-патриотический клуб «Витязь». Мы, ребята 9—11 классов, став курсантами, дали клятву на верность Родине. В клубе приобретаем практические навыки в начальной военной подготовке и военно-прикладных видах спорта: все это нам пригодиться для службы в армии.

Мы считаем своим долгом заниматься общественно-полезным трудом, помогаем ветеранам войны и труда, ухаживаем за памятником погибшим воинам, работаем на благоустройстве территории школы, ведем поисковую работу для школьного музея.

Главной составляющей деятельности клуба является возможность участия курсантов во Всероссийской Вахте памяти.

В апреле 2003 года Константин Чесноков и Стас Карзаев в составе поискового отряда были в Ленинградской области на Синявинских высотах, где в годы Великой Отечественной войны прошли страшные бои и где погибло много наших солдат. Задача ребят заключалась в поиске останков солдат Великой Отечественной и установлении их личности, в поиске неразорвавшихся снарядов и их обезвреживании. Отряд кировчан работал в тяжелых условиях болотисто-лесной местности. И природа словно тоже оплакивала погибших, проливая потоки дождя. Это были невыплаканные слезы матерей по сынам, не вернувшимся с войны. Ребята трудились с утра до вечера, но не всегда удавалось что-то найти. За годы все поросло мхом, скрылось под слоем опавшей листвы. Но все-таки находили патроны, гранаты, угли костра, возле которого грелись озябшие солдаты, однако самого ценного для поисковиков — медальонов — не было, личные вещи оказались неподписанными. Раскопки оказались делом опасным из-за неразорвавшихся боевых снарядов. На одном из них Костя чуть не подорвался. Только благо-

даря бдительности старших товарищей удалось избежать трагедии.

Ребята привезли в школьный музей пробитые пулями русскую и немецкую каски, патроны, личный противогаз, походную ложку, осколки фугаса, саперную лопатку.

Сотни тысяч тонн перерытой земли, сотни тысяч солдат, прах которых наконец-то будет предан земле по всем канонам христианской веры, по всем человеческим законам. Но еще тысячи тех, кто ждет своего часа, своей скорбной очереди.

На раскопе.

В 2004 году, с 21 апреля по 9 мая, курсанты клуба Евгений Бакшаев, Николай Князев, Александр Редозубов тоже выезжали с Вахтой Памяти в составе отряда «Долина», который был сформирован из клубов Йошкар-Олы, Тужи и Яранска.

Поисковый отряд работал в д. Гридино Парфинского района Новгородской области. Лагерь располагался на живописном берегу реки Ловать.

К району розыска павших бойцов, который находился в восьми километрах от лагеря, добирались пешком. Два дня работали на госпитальном захоронении и подняли останки шестидесяти бойцов. В остальные дни искали «верховых», тех, останки которых были не захоронены во время войны и находились до сих пор на поле боя. Орудиями труда ребят были щуп и большая и малая саперные лопатки.

ты. С их помощью удалось извлечь из-под земли останки двадцати бойцов. Во время раскопок поисковики наткнулись на блиндаж, где обнаружили каску и снаряд от «катюши». Ежедневная и кропотливая работа была небезопасной, так как в любой момент рисковали наткнуться на неразорвавшиеся снаряды.

По окончании Вахты состоялось торжественное захоронение. 7 мая 2004 г. около деревни Ясная Поляна были преданы земле более 900 останков солдат Великой Отечественной. Через 59 лет те, кто отдали жизнь за Родину, нашли достойное упокоение на воинском кладбище.

В Международной «Вахте Памяти» на территории Новгородской и Ленинградской областей молодежными поисковыми отрядами Кировской области найдено и торжественно захоронено с воинскими и духовными почестями сотни неизвестных солдат. Может быть, кому-то покажется, что такое занятие не для детей. Но ведь война беспощадна ко всем. Она обрушилась на детей так же безжалостно, как и на взрослых — бомбами, голодом, холодом, разлуками. О судьбах тех, кого война застала в младенчестве, и тех ребят военной поры, которые давно уже стали родителями, но по жизни которых ее черный след тянется и сейчас, мы много читали в произведениях литературы.

Сливаясь с прошлым, новая жизнь рождает новые представления, но память о тех, кто выстоял и победил в этой страшной битве, должна жить в веках.

Евгений Шалагин,
курсант клуба «Витязь» Опытнопольской средней школы.

Из репертуара Михаила Лежнина

«И от той гармошки старой,
Что осталась сиротой,
Как-то вдруг теплее стало
На дороге фронтовой»:
А. Твардовский. «Василий Тёркин»

«В службе, я считаю, мне повезло, — такова судьба. Окончил полковую школу и Тульское пулеметное училище, — командиры на войне ох как были нужны, ведь их тоже убивали. Воевать пришлось только в 1945 году, все в наступлении. С гармошкой я не расстался».

Девушки, вспомните:
С кем гулять-то станете?
Под окошком на бревне
Сидеть вы будете одне.

Запряги-ка, тятя, «троечку»,
В середочку Серка,
Проводи-ка ты в солдаты
Уж последнего сынка.

Эх, гармошка вятская,
Люблю я парня хватского!
Бей фашистов, милый мой,
Буду ждать тебя домой.

До Котельнича дорога
Вся слезами залита.
Как по этой по дороге
На войну шли некрута.

Маменька, не вой, не вой,
Я теперь сынок не твой.
Я сынок Советской власти,
Комсомолец молодой.

Девушки, любезные,
Не будьте грубоватые:
Любите раненых солдат,
Они не виноватые.

Ой, война, война, война,
Что же ты наделала:
Меня, такую молодую,
Ты вдовою сделала.

Для победы на войне
Дорожка очень узкая.
Сколько Гитлер ни храбрись,
А победа русская!

Вот она и заиграла,
25 на 25.
Немцы, гады, захотели
Ленинград без боя взять.

*Из сборника «Наш край» № 3,
1990 год.*

Библиография

1. Ермолина Г. Это было недавно, это было давно // Вятский край. — Киров, 1995. — 6 мая (№84).
2. Козлов П.Е. Сотворение Победы. Том 16 — Киров: 1995. — 570 с.
3. Конкурсные сочинения учащихся школ Яранского района. 2005.
4. Материалы районных газет «Знамя коммунизма» и «Отечество».
5. На подвиг и труд / Сост. Н. Филинковский. Киров: Волго-Вят. кн. изд-во, 1983. — Воспоминания ветеранов Кировской областной организации ВЛКСМ и очерки о комсомольцах 40-х годов.
6. Наш край. Яранск, 1999. — № 3. — 112 с.
7. Наш край. Яранск, 2000. — № 4. — 112 с.
8. Наш край // Рукописный сборник. Яранск: музей, 1982. — № 2. — 92 с.
9. Подвигу солдата поклонись. В верности Отчизне поклянись // Рукописный сборник к 30-летию Победы — Яранск: Дом пионеров, 1975. — 80 с.: ил.

Рубрики сборника

Июнь 41-го. Начало	3
1941 – 1945. Горький дым войны	7
Парад Победы	37
Всё для фронта, всё для Победы	49
Потомки о войне	74
Частушки военной поры	101

НАШ КРАЙ, № 8

2005 год

Литературно-краеведческий сборник

На 1-й странице обложки — Открытие памятника «Победители» 9 мая
1967 года. Архитектор С.Кулёв, скульптор Н.Браун.
Фото Леонида Кожина.

Учредители редакция сборника «Наш край»,
краеведческий музей

Издатели управление культуры
администрации Яранского района,
краеведческий музей

Главный редактор Александр Денисов

Зам. главного редактора Елена Дождикова

Корректор Ольга Девятерикова

Технический редактор Олег Бондарь

Набор Оксана Поротикова и др.

Пишите 612260, г. Яранск Кировской обл.,
ул. Кирова, д. 9,
краеведческий музей

Звоните (83367) 2-24-54 (главный редактор),
2-14-50 (зам. главного редактора)

Сайт в Интернет http://www.yaransk.ru/nas/ol_html/index.htm

Подписано в печать 25.04.2005 г.

Отпечатано в КОГУП «Яранская типография», 2005 год, зак. 555, тираж 600 экз.

Стоит небольшой
    городок на планете,
В садах
    утопая весной.
И листья деревьев
    предутренный ветер
Ласкает
    над сонной рекой.

А в сквере
    на память потомкам,
В безмолвьи
    застывши стоят,
С оливковой
    ветвью девчонка
И в бронзе
    отлитый солдат.

Борис Яранцев.

